Библиотека психоанализа

Уилфред Р. Бион

Элементы психоанализа

ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Wilfred R. Bion

ELEMENTS OF PHYCHO-ANALYSIS

London
«Maresfield Library»
1989

Уилфред Р. Бион

ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Москва
«Когито-Центр»
2009

УДК 159.9
ББК 88
Б 24

Перевод с английского
Александра Шуткова

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Бион У. Р.

Б 24 Элементы психоанализа / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 127 с.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-89353-279-1

Вторая книга У. Р. Биона в серии его философско-эпистемологических психоаналитических работ представляет собой очередную (после «Научения через опыт переживания») попытку теоретически осмыслить основные психоаналитические категории и выразить их в абстрактной форме, позволяющей корректно выйти за рамки какой-либо одной из существующих в психоанализе школ и направлений и раскрывающей природу возникновения самих этих направлений. Детально описана таблица – основной инструмент формирования и интеграции психоаналитиком концептуальной схемы своей теоретической и клинической работы в общую систему психоаналитического научного знания.

Книга адресована психологам и психотерапевтам, а также философам, социологам и другим специалистам гуманитарной сферы.

В оформлении использован рисунок первого российского психоаналитика И. Д. Ермакова, любезно предоставленный его дочерью М. И. Давыдовой.

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2009

ISBN 0 946439 06 0 (англ.)
ISBN 978-5-89353-279-1 (рус.)

Содержание

Таблица

	Определя-ющаяи гипотеза	ψ	Обозна-чение	Внимание	Исследова-ние	Действие	
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**…n**
A **β-элементы**	A1	A2				A6	
B **α-элементы**	B1	B2	B3	B4	B5	B6	…Bn
C **Мысли снови-дения, снови-дения, мифы**	C1	C2	C3	C4	C5	C6	…Cn
D **Пре-концепция**	D1	D2	D3	D4	D5	D6	…Dn
E **Концепция**	E1	E2	E3	E4	E5	E6	…En
F **Понятие**	F1	F2	F3	F4	F5	F6	…Fn
G **Научная дедуктивная система**		G2					
H **Алгебраи-ческие вычисления**							

Расширение в область мысли: идеи У. Биона и современный психоанализ

И. Ю. Романов

У русскоязычного читателя появляется счастливая возможность познакомиться с творчеством Уилфреда Биона – одного из наиболее значительных теоретиков психоанализа за последние пятьдесят лет его развития. Книга «Элементы психоанализа» – вторая крупная работа У. Биона, выходящая на русском языке. Не так давно издательством «Когито-Центр» была выпущена книга «Научение через опыт переживания», а несколько ранее – «Введение в работы Биона» Л. Гринберга с соавт. и «Словарь кляйнианского психоанализа» Р. Хиншелвуда, содержащий ряд статей об основных биононовских концепциях. Если к этому добавить немногочисленные статьи У. Биона, опубликованные в Интернете (см. http://psyjournal.ru/j3p/vol.php?id=200801), то список русскоязычной «бионианы» будет практически исчерпан. Разительный контраст с огромным и непрерывно возрастающим массивом зарубежных публикаций![1]

Уилфред Руперт Бион прожил долгую и многообразную жизнь. Он родился в 1897 г. в Индии, а умер в 1979 г. в Оксфорде в возрасте 82 лет. Между этими двумя датами прошла жизнь, вместившая в себя учебу, две мировые войны, три личных

1 Несмотря на большой объем литературы, посвященной У. Биону, можно назвать всего несколько работ, претендующих на более или менее полное изложение его взглядов. Среди них уже упоминавшаяся работа Гринберга и соавторов, третий том книги Д. Мельтцера «Кляйнианское развитие» и превосходная книга Ж. Блендону «Уилфред Бион. Его жизнь и труды. 1897–1979».

анализа, работу психиатра, военного врача и психоаналитика, научную деятельность, руководство Британским психоаналитическим обществом, преподавание и литературное творчество. Его научное наследие включает работы, посвященные групповой динамике, психозам, психоаналитической теории и эпистемологии. По объему это достаточно небольшое количество текстов. Но их тематический охват и интеллектуальное содержание свидетельствуют, что в истории психоанализа найдется не так уж много фигур, сопоставимых с У. Бионом по масштабу и глубине.

В «Элементах психоанализа» У. Бион пишет, что психоаналитические объекты простираются в область *чувства, мифа* и *страсти*. Имеется в виду, что такой «объект», как, например, тревога, должен быть ощутим на сенсорном уровне, привязан к ситуациям, которые, в широком смысле, могут быть названы мифами (в том смысле, в котором мы можем говорить о личном или семейном мифе) и существовать в контексте базовых интерсубъективных отношений, которые в этой работе Бион назвал «*страстями*», а раньше именовал «*связями*». Таких базовых страстей он насчитывает три: любовь (L), ненависть (H) и знание (K). Каждая из них может быть выражена предложением, содержащим отношение субъекта к объекту: «X любит Y», «X ненавидит Y» и «X знает Y».

Можно утверждать, что основные усилия У. Биона были направлены на исследование и концептуализацию именно последнего типа связи – *знания*. Способность познавать и открываться познанию представлялась ему необходимой (и все еще малоизученной) составляющей любого человеческого взаимодействия, в частности базового взаимодействия матери и младенца, и, конечно же, основополагающим измерением психоаналитического опыта. По известному выражению У. Биона, истина необходима для души, как пища для тела.

Творчество У. Биона проводит водораздел в развитии психоанализа, знаменует смену парадигм в его теории и практике. Лучше всего пояснить эту научную революцию можно с помощью таблицы, разработанной в «Элементах психоанализа». Ее вертикальная ось описывает генетическую эволюцию мысли. Развитие происходит от «сырых» *бета-элементов* – непереработанных эмоциональных событий, неспособных стать психическим опытом и подходящих только для эвакуации, к *альфа-элементам,* пригодным для осмысления и переработки, и далее – ко все более обобщенным и абстрактным элементам,

вплоть до научных теорий и математических вычислений. В применении к психоаналитическому процессу идея У. Биона заключается в том, что важнейшей задачей анализа становится трансформация немыслимого опыта в опыт мыслимый, обрабатываемый психически[1]. Отход от классической модели преодоления *вытеснений* кажется здесь очевидным.

У. Бион не был одинок в такой постановке вопроса. Одновременно с ним Ханна Сигал разрабатывает концепцию *символизации* – превращения символических равенств, характерных для психотического мышления, в истинные символы, подразумевающие способность выносить отсутствие объекта, появляющуюся на депрессивной позиции. Очевидно, что бионовское «мысль – это нет-вещи (нет-груди)» весьма близко к идее Х. Сигал.

Р. Мани-Кёрл предложил более упрощенную схему развития мышления: от телесно представленных *внутренних объектов* к *идеограммам* (например, мыслям сновидения) и далее к собственно *репрезентациям*. Несмотря на различия, очевидно, что все перечисленные авторы размышляют в общем ключе: они пытаются понять естественную эволюцию базовых строительных блоков психического опыта, ее сбои при психических нарушениях, роль коммуникации матери и младенца в развитии способности мыслить и «обучаться из опыта».

Идеи У. Биона не рождались в вакууме (хоть сам он иногда и склонен был изображать процесс подобным образом). Помимо кляйнианского контекста, чрезвычайно важным для их понимания является круг философских интересов У. Биона, в который входили, прежде всего, представители аналитической философии (Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Дж. Уисдом и др.) и логические позитивисты, близкие к так называемому «венскому кружку»[2].

---

1 Бионовское понимание мышления отводит ведущую роль таким зачаточным его формам, как сновидения, образы, истории, мифы (ряд С в таблице). В связи с этим Д. Мельтцер использует понятие «сновидческая жизнь» (dream-life), указывающее на некий основополагающий, непрерывно действующий уровень переработки психического опыта.

2 Посредником здесь часто выступал Р. Мани-Кёрл, который учился философии у руководителя венского кружка М. Шлика. Книга Р. Мани-Кёрла «Человеческая картина мира» (1961) оказала значительное влияние на У. Биона в период создания книги «Научение через опыт переживания». Интерес к А. Пуанкаре, по-видимому, также связан с этим кругом чтения и общения.

Эти философские увлечения У. Биона, нашедшие отражение в его посмертно изданной книге «Размышления» (1992), сказались как на стилистике его поздних работ, так и на существе рассматриваемых им вопросов. Четыре книги У. Биона: «Научение через опыт переживания» (1962), «Элементы психоанализа» (1963), «Трансформации» (1965) и «Внимание и интерпретация» (1970), – впоследствии объединенные в сборник «Семь слуг» (1977), составляют основной корпус его эпистемологических работ. Их объединяют темы научности психоанализа, постижения истины, механизмов мышления, функций и методов познания. Не все убеждены в том, что У. Биону удалось дать удовлетворительные ответы на поставленные им же вопросы, да и сам он в поздние годы довольно скептически относился к этим попыткам. Однако поразительным образом У. Биону удалось по ходу своего исследования, будто бы вскользь, затронуть некоторые проблемы, из которых впоследствии выросли целые направления психоаналитической мысли.

В «Элементах психоанализа» присутствуют две такие темы: развитие *интуиции аналитика* (собственно, основная цель, для которой предназначена разработанная У. Бионом таблица) и анализ уровня *действий* и *взаимодействий* в аналитическом процессе (эта проблема отражена в понятии *обратимой перспективы* (см. главы 11–13) и в горизонтальной оси таблицы). Первая тема была впоследствии развита самим У. Бионом – в поздний период она занимала центральное место в его размышлениях, практике преподавания, подходах к фиксации и передаче аналитического опыта. Вторая активно разрабатывалась последователями У. Биона из числа кляйнианских аналитиков. Исследования Бетти Джозеф и аналитиков ее круга и некоторые работы Г. Этчегоена являются продуктивным продолжением этих идей У. Биона.

Читателя этой книги ждет нелегкий труд. Но наградой за это может стать новое видение уникального события психоаналитического опыта – как надеялся У. Бион, свое собственное, а не «бионовское» видение.

Глава 1

Критика психоаналитических теорий в ненаучности обусловлена тем, что они включают в себя, наряду с материалом наблюдений, также и выведенные из него абстракции. Эти теории одновременно являются слишком теоретичными (то есть слишком абстрактно представляют наблюдение), чтобы считаться наблюдением, и слишком конкретными, чтобы обладать той гибкостью, которая необходима, чтобы абстракцию привести в соответствие реализации. Поэтому теория, которую можно считать приложимой к широкому спектру задач, при условии, что она формулируется достаточно абстрактно, легко может быть забракована вследствие того, что ее чрезмерная конкретность затрудняет распознание реализации, которую она может представлять. И наоборот, если такую реализацию легко обнаружить, то приложение к ней теории, по-видимому, может исказить смысл этой теории[1]. Поэтому изъян оказывается двойным: с одной стороны, описание эмпирических данных является неудовлетворительным, так как оно явно есть не столько

1 Пример этого можно видеть в статье: Wisdom J. O. *An examination of the Psycho-analytical Theories of Melancholia* (p. 18), где автор ясно показывает необходимость расширения теории, но видит, что это предполагает принятие допущения, каковым может являться, например, точка зрения М. Кляйн.

фактический учет этих данных[1], сколько то, что на обыденном языке мы называем «теорией» того, что имело место; с другой стороны – такое представление о происходящем не удовлетворяет критерию теории как системы, использующейся в строгом научном исследовании[2]. Первым требованием тогда является формулировка абстракции[3], представляющей реализацию, на описание которой претендуют имеющиеся теории. Я предлагаю искать такую абстракцию, которая гарантирует нам, что теоретическое утверждение содержит минимум деталей. Оно станет менее понятным, однако это проблема может быть устранена путем использования моделей, дополняющих теоретические построения. Недостаток существующей психоаналитической теории ничем не отличается от недостатка иероглифа по сравнению со словом, составленным из букв алфавита: иероглиф обозначает только оно слово, тогда как относительно небольшое количество букв достаточно для образования многих тысяч слов. Аналогично, те элементы, которые я ищу, должны быть относительно немногочисленны и быть пригодными (за счет различных комбинаций) для выражения почти всех теорий, необходимых практикующему психоаналитику[4].

Большинству аналитиков знакомо ощущение сходства между некоторым описанием особенностей конкретного клинического объекта и чрезвычайно хорошо соответствующим ему описанием некоторого совершенно другого клинического объекта. Кроме того, это же самое описание редко является

---

1 В терминах таблицы: слишком выраженный **G3** по сравнению с **D** или **E3**.

2 Слишком выраженный **C3** по сравнению с **G4**.

3 Понятие абстракции будет обсуждаться далее на всем протяжении книги; его использование на ранних стадиях является предварительным. Такое утверждение будет соответствовать **G3**.

4 Сравните это с тенденцией к созданию теорий *ad hoc* там, где могла бы работать уже существующая теория (если бы она была сформулирована в достаточно общем виде). Сравните с Проклом, цитированным сэром Т. Л. Хит, по поводу элементов Евклида (Heath T. L. *The Thirteen Books of Euclid's Elements*, Chap. 9, C. U. P. 1956).

адекватной репрезентацией даже тех реализаций, которым, как предполагалось, оно достаточно очевидно соответствует. Связь, которая фиксирует[1] определенные элементы, является неотъемлемой частью значения[2], которое эти элементы в себе несут. Механизм, который кажется характерным для меланхолии, может являться типичным только для меланхолии, поскольку он фиксируется в определенной связи. Задача состоит в том, чтобы абстрагировать[3] такие элементы путем выделения их из того соединения, в котором они зафиксированы, освобождения их от специфики, задаваемой им реализацией, которую они изначально были призваны представлять.

Чтобы соответствовать поставленным мною целям, элементы психоанализа должны обладать следующими свойствами:

1 Должна существовать возможность представлять с их помощью реализацию, для описания которой они были введены.
2 Должна существовать возможность объединять их с другими похожими элементами.
3 При таком объединении они должны образовывать научную дедуктивную систему, пригодную для представления реализации, существование которой предполагается. Другие критерии для психоаналитических элементов могут быть выделены позже.

Вот первый элемент: ♀♂. Я разбирал его на протяжении всей книги *Научение через опыт переживания*[4], поэтому здесь я остановлюсь на нем кратко. Данный элемент – это то, что (хотя и менее точно) можно назвать существенной чертой концепции проективной идентификации Мелани Кляйн. Эта особенность характеризует элемент таким образом, что если

1 Результат **P↔D**. См. гл. 18.

2 Результат ♀♂. См. гл. 18.

3 См. сноску 3 на с. 12.

4 Bion W. R. *Learning from Experience*. Heinemann.

она выражена слабо, то он теряет какое-либо отношение к проективной идентификации вообще; если же она выражена сильно, то ассоциации становятся слишком смутными и перестают быть полезными. Представленный элемент можно назвать динамическим отношением между контейнером и контейнируемым.

Второй элемент, который я представляю: **PS↔D**. Его можно рассматривать как приблизительное представление (а) взаимодействия между тем, что Мелани Кляйн описала как параноидно-шизоидную и депрессивную позиции, и (б) взаимодействия, описанного Пуанкаре[1] как открытие избранного факта.

В книге *Научение через опыт переживания* я уже разбирал символы **L**, **H** и **K**. Они обозначают типы связей между психоаналитическими объектами. Следует допустить, что любые объекты, связанные подобным образом, должны испытывать на себе влияния со стороны других элементов. Реализации, из которых были выделены (абстрагированы) эти элементы, обычно представляются понятиями «любовь», «ненависть» и «знание».

Мы будем использовать символ **R** (от слова «reason» – «причина») для обозначения реализаций, которые, как нам кажется, он должен представлять, а также символ **I** (от слова «idea» – «идея») для обозначения соответствующих реализаций, включая те, что описываются словом «мысль» («thought»). **I** должен обозначать психоаналитические объекты, состоящие из α-элементов, продуктов α-функции. В другом месте (*Научение через опыт переживания*) я уже говорил, что я подразумеваю под этим термином. Под α-функцией я понимаю такую функцию, посредством которой чувственные впечатления преобразуются в элементы, которые могут быть сохранены и далее использоваться в сновидениях и прочей мыслительной деятельности. **R** должен представлять функцию, которая служит страстям, какими бы они ни были, указывая на их господство в реальном мире. Под страстями

1 Poincare H. *Scientific Method*. Dover Press.

я понимаю все то, что происходит в **L**, **H** или **K**. При этом **R** связан с **I**, поскольку **I** используется для преодоления разрыва между внутренним импульсом и его удовлетворением[1]. **R**[2] гарантирует, что этот разрыв преодолевается с некоторой иной целью, нежели отсрочка фрустрации.

1 Фрейд З. *Два принципа психического функционирования*.

2 Я прерываю рассмотрение **R**, поскольку пока еще не в состоянии увидеть его приложения. Я упомянул о нем потому, что мой клинический опыт убеждает меня в значимости этого элемента, другие могут так или иначе использовать его, самостоятельно определяя для себя, что этот символ обозначает. См. Hume. *A Treatise of Human Nature,* Book II, Part III, Section 3. Clarendon Press, 1896.

Глава 2

Психоаналитические теории страдают следующим дефектом: четкость и сжатость формулировок достигается в них за счет того, что составляющим элементам, подобно константам, присваиваются фиксированные значения, обусловленные взаимными связями элементов теории. Это похоже на алфавит: бессмысленные буквы могут объединяться друг с другом, образуя осмысленное слово. Элементы фрейдовской теории эдиповой ситуации, например, объединяются (благодаря их ассоциации с сюжетом мифа об Эдипе) и таким образом обретают связанный с контекстом смысл, который придает им фиксированное значение. Так как элементы входят в уже сформулированное когда-то описание реализации, оно необходимо для удобства пользования элементами: недостатком является именно то, что теория, состоящая из компонентов (которые должны использоваться для освещения реализаций, ждущих своего открытия), теряет необходимую гибкость из-за постоянства их значений.

Абстракции, которые предполагаются на роль элементов психоанализа, должны обладать способностью объединяться и представлять все психоаналитические ситуации и все психоаналитические теории. Для этого выбранные элементы должны быть существенными в том смысле, как это описано на с. 13. Я предлагаю уделить время обсуждению этой темы

до того, как рассмотреть проблему абстракции[1], решение которой является столь же важным, как и решение вопроса пригодности элементов (если они выбраны в качестве элементов психоанализа) для построения теоретических систем. На первом этапе необходимо определить, какие явления из тех, что имеют место в аналитической практике, принадлежат к элементам психоанализа. Нам доступны следующие три направления:

1 Мы можем выявлять элементы по их вторичным свойствам[2], которые возможно распознать в психоаналитическом опыте.
2 Мы можем выявлять элементы по их репрезентациям, которые возможно выделить в психоаналитической теории.
3 Мы можем исследовать процедуры 1 и 2 и комбинировать их, используя в качестве источников для абстрагирования элементов.

Вначале я рассмотрю возможность наблюдения выбранных элементов, хотя можно счесть, что прежде следовало бы рассмотреть возможность их обнаружения в теориях, поскольку они входят в состав всех психоаналитических теорий и являются существенными.

Когда пациент говорит, что не может что-то принять, или аналитик чувствует, что не может что-то принять, тогда он выступает в роли контейнера, в который что-то контейнируется. Утверждение о том, что нечто не может быть принято, не должно, таким образом, отбрасываться как несущественный оборот речи. Более того, здесь можно усмотреть, по крайней мере, два объекта. Эту ситуацию можно обозначить как ♀♂ ≥ 2. При определенных обстоятельствах (также наблюдаемых в анализе) значение «два-и-более» может стать особенно отчетливым. В данный момент я не буду рассматривать смысл этого числа, хотя выделенный мною элемент невозможно верно описать, не понимая, что ♀♂ ≥ 2.

1 См. гл. 18.

2 Вторичные в том смысле, в каком использовал этот термин Кант.

Очевидно, что количество возможных способов словесного представления ситуации, когда что-то находится «в» чем-то, может быть бесконечным и, соответственно, неопределенным. Пациент находится «в» анализе, или «в» семье, или «в» консультационной комнате; или он может сказать, что ощущает боль «в» ноге[1]. Суждение о важности или значимости эмоционального события, на фоне которого такие утверждения кажутся соответствующими эмоциональному переживанию, зависит от понимания того, что контейнер и контейнируемое (♀♂) является одним из элементов психоанализа. Далее мы можем попытаться понять, является ли элемент ♀♂ центральным или он просто представляет собой часть системы элементов, придающих друг другу смысл посредством связей.

Поразмыслив, сейчас я усомнился в том, насколько необходимо идею контейнера и контейнируемого обобщать до элемента психоанализа. Контейнер и контейнируемое подразумевают статическое состояние, но такой смысл чужд нашим элементам; должно быть еще какое-то качество, передаваемое словами «контейнировать или контейнироваться». Смысл понятий «контейнер и контейнируемое» предполагает скрытое влияние какого-то другого элемента системы. Поскольку такое же возражение можно высказать относительно понятий «контейнировать или контейнироваться)», я буду считать, что обе формулировки искажены влиянием элементов неопределенной системы (т. е. скрытым влиянием модели, обсуждавшимся мной в книге *Научение через опыт переживания*). Поэтому я закончу рассуждения на эту тему, предположив существование центральной абстракции, которая неизвестна и непознаваема, хотя и проявляет себя в неявной форме в таких понятиях, как «контейнер или контейнируемое», и что именно благодаря центральной абстракции возможно правильное использование термина «психоаналитический элемент» или определение символа

1 Ср.: Ryle Gilbert. *Conception of Mind*, p. 22 – это не категориальная ошибка, а выражение бессознательного представления о ♀♂ как о структуре, к которой принадлежит все.

♀♂. Из этой формулировки ясно, что предполагаемый психоаналитический элемент не наблюдаем. В этом отношении он похож на кантовскую вещь-в-себе – он непознаваем, хотя обладает первичными и вторичными свойствами, и этим он нее отличается. Проявления контейнера и контейнируемого познаваемы как вторичные свойства. Центральная абстракция является всего лишь объектом восприятия, в отношении которого я как индивид уверен, что мне удобнее постулировать существование чего-то несуществующего, как если бы на самом деле оно было вещью-в-себе. Если я постулирую существование таблицы как вещи-в-себе, то я поступаю так лишь потому, что считаю ее существующей, и что ее существование объясняет явления, которые я группирую вместе в структуру, именуемую «таблица».

Это объяснение необходимо, потому что я стремлюсь установить элементы психоанализа на основе опыта. Я надеюсь, что каждый элемент будет такой же абстракцией, как и пример с ♀♂ (контейнером и контейнируемым). Он будет «центральной абстракцией, которая неизвестна вследствие непознаваемости», но намечает (в искаженном виде) контур посредством словесной репрезентации. Он будет иметь тот же статус и качество, какое к слову «линия» или к линии, проведенной на бумаге, имеет объект, который мы стремимся репрезентировать словом «линия» или линией на бумаге.

Глава 3

Элементы – это функции личности[1]. Обо всех них можно сказать, что каждый является функцией какого-то другого элемента и каждый выполняет какую-то функцию. Когда мы говорим, что каждый элемент *является* функцией, термин «функция» имеет тот же смысл, что и в математике. Элемент – это переменная, зависящая от других переменных, посредством которых он может быть описан, и от значений которых зависит его собственное значение. Когда мы говорим, что каждая функция *выполняет* какую-то функцию, термин «функция» используется в качестве наименования группы действий (физических или ментальных), подчиненных определенной цели или направленных на определенную цель. Всякий раз, когда я употребляю слово «функция», я использую его для обозначения чего-то, что является функцией и действует как функция. В той мере, в какой это нечто является функцией, оно имеет факторы; в той мере, в какой оно действует как функция, оно имеет цели[2].

Пока я предполагаю, что все без исключения элементы психоанализа являются функциями в том смысле этого

1 Дальнейшее обсуждение «функции» см. в Bion W. R. *Learning from Experience*.

2 Это место станет яснее, когда мы сможем ссылаться на систему координат. См. гл. 6.

понятия, который я только что очертил. Таким образом, символ, обозначающий абстракцию, должен представлять собой функцию, непознаваемую, но обладающую первичными и вторичными свойствами (в кантовском смысле). Предлагая рассматривать элементы как наблюдаемые явления, мы должны понимать, что речь идет о первичных и вторичных свойствах элементов, а не о об абстракциях или о символах, которыми я их обозначил. Что из того, что мы можем наблюдать в ходе любого анализа и что выбираем в качестве функции личности, является также элементами психоанализа? Этот выбор уже ограничен предложенными мною критериями (гл. 1, с. 13). Мы должны ограничить его снова, поскольку элемент должен являться функцией в том смысле, который я очертил для этого термина, и, более того, должен быть «наблюдаем» в ходе аналитической работы. Однако как мы можем говорить о «наблюдаемости» элементов перед лицом того печального факта, что некоторые аналитики заявляют о своей способности видеть вещи, существование которых отрицается другими, – подобные разногласия довольно обычны между пациентом и аналитиком, даже несмотря на то, что они переживают один и тот же «наблюдаемый» опыт?

В качестве критерия того, что составляет чувственный опыт, я предлагаю общее чувство[1], подразумевая под этим то, о чем уже говорил в другом месте, а именно некоторое «чувство», которое является общим для более чем одного чувства. Я буду рассматривать объект как «ощутимый» для психоаналитического исследования тогда и только тогда, когда он удовлетворяет условиям, аналогичным тем, которые удовлетворяются, когда существование физического объекта подтверждается свидетельством двух или более чувств. Очевидно, что это может быть лишь аналогией, поскольку при нашем сегодняшнем уровне знаний даже тревога, по крайней мере, у других, является умозаключением. Проблема заключается в определении того, как далеко мы можем зайти в принятии умозаключений на основе чувственных данных как

---

1 *Common sense* в данном контексте целесообразно переводить именно как «общее чувство», но не как «здравый смысл». – *Прим. пер.*

столь же (в области психоанализа) надежных, сколь надежны данные ощущений в физике или философии. У меня нет сомнений в том, что мое впечатление, что человек (на мой взгляд) встревожен, является столь же надежным, как и мое впечатление, что, скажем, камень тверд. Но для того, чтобы проверить, правильно ли мое впечатление, мне необходимо дотронуться до камня и убедиться в его твердости, а также, по крайней мере, посмотреть на него, чтобы убедиться в том, что то, чего я касаюсь, – действительно камень. Установленная таким образом корреляция дает право ввести термин «общее чувство» как характеристику наблюдения, что данный объект является камнем: и если оценка объекта как камня является общей для различных чувств, и значит, общим чувственным впечатлением, то термин «общее чувство» используется с более чем разговорной точностью. Проблема состоит в выработке некоего похожего подхода или правила для определения природы чувства, с помощью которого мы постигаем психоаналитический элемент, и, с другой стороны, для определения природы размерностей психоаналитического элемента. Претворение данного плана в жизнь заставляет, как это часто бывает в психоаналитическом исследовании, заранее предполагать то, что мы хотим открыть. Чтобы об этом писать, я должен с чего-то начать, и это вызывает трудности, поскольку начало обсуждения побуждает придавать видимость реальности идее, что предмет обсуждения имеет начало. В психоаналитическом исследовании формулируются посылки, которые столь же отличны от таковых в обычной науке, сколь они отличны от посылок в философии или теологии. Психоаналитические элементы и производные от них объекты имеют следующие размерности[1]:

1 Протяженность в область чувства.
2 Протяженность в область мифа.
3 Протяженность в область страсти.

Интерпретация не может считаться удовлетворительной до тех пор, пока она не осветит психоаналитический объект,

1 Обсуждение таблицы в гл. 18 и далее даст более полное объяснение тому, что я понимаю под этими размерностями.

который во время интерпретации должен обладать этими размерностями. Ввиду важности, которую я придаю этим измерениям, я детально рассмотрю каждое из них.

Протяженность в область чувства не задержит наше внимание надолго. Она означает, что, наряду со множеством других качеств, интерпретируемое должно быть объектом чувства. Оно, например, должно видеться и слышаться обязательно аналитиком и предположительно анализантом. Если последнее предположение оказывается не соответствующим действительности, то его основания должны придавать самостоятельную значимость разногласиям. Иными словами, когда аналитик дает интерпретацию, у него и у анализанта должна быть возможность убедиться в том, что то, о чем он говорит в тот момент, можно либо услышать, либо увидеть, либо осязать или обонять.

Сложнее дать удовлетворительное объяснение тому, что я понимаю под протяженностью в область мифа[1]. Я не могу постичь возможное без его моделирования (что входит в арсенал доступных психоанализу средств). Допустим, пациент гневается. Такому утверждению будет придан больший смысл, если добавить, что в своем гневе он похож на «ребенка, желающего ударить свою няню, потому что та сказала ему, что он капризничает». Утверждение, заключенное в кавычки, не является генетическим представлением теории. Не нужно считать, что оно выражает теорию, что маленькие дети бьют свою няню, если она называет их капризными. Это утверждение похоже на суждения того типа, которые философы презрительно отвергают как мифические, уничижительно используя это понятие применительно к плохим теориям. Утверждения такого типа необходимы мне как часть аналитических научных процедур и средств. Это не утверждения о наблюдаемом факте и не формулировки теории, призванной представить реализацию: это утверждения о личном мифе. Пока восприятие психоаналитического объекта не сопровождается формулировкой аналитиком утверждения, которое

1 Проблема связана с обсуждением строки **G** таблицы.

включает в себя компонент данного типа, ему недостает необходимого измерения. Я буду обозначать эту размерность как миф или как «если бы»-компоненту.

Я умышленно выбрал для описания последней размерности слово «страсть», а не какой-то, возможно, более привычный термин отчасти потому, что более привычные термины содержат смысл, который необходимо сохранять неизменным. Под «страстью» или ее отсутствием я подразумеваю компоненту, производную **L**, **H** и **K**. Я говорю о понятии для обозначения эмоции, которая интенсивно и горячо переживается без какого-либо намека на неистовость: смысл неистовости не должен передаваться термином «страсть», пока он не связан с термином «жадность».

Может показаться, что, вводя термин «страсть», я повторяю то, что уже говорил при введении **L**, **H** и **K** в качестве элементов. Это не так. Под страстью я понимаю одно из измерений, которым должны обладать **L**, **H** или **K**, если они признаны элементами, имеющими место[1]. Более того, свидетельство того, что страсть имеет место (что представлено посредством чувств), не должно приниматься за размерность страсти. То есть, скажем, если гневный тон пациента расценивается как свидетельство ненависти, не следует рассматривать выделенную страсть как размерность психоаналитического объекта, – фактически **H**. Данные могут быть представлены чувствами (как в данном примере), которые могут коррелировать с фактом (возможно, чувственным, но не ощущаемым) страсти. Осознание страсти не зависит от чувства. Чувству, чтобы быть активным, достаточно сознания одного человека: страсть является свидетельством связи сознаний двух людей, которых не может быть меньше, если страсть имеет место. Страсть должна быть четко отделена от контрпереноса, – последний свидетельствует о вытеснении. Дальнейшее рассмотрение страсти не относится к текущей проблеме страсти как одной из размерностей психоаналитического объекта, а значит, и психоаналитического элемента.

---

1 Ср. гл. 18 об «ощущениях».

Глава 4

В главе 1 я сказал, что развитию психоаналитической практики мешало отсутствие работы с элементами психоанализа, и привел примеры того, каковы могут быть причины поиска таких элементов. В главе 2 я обсуждал критерии, позволяющие судить об объектах как о возможных элементах, подчеркнув в качестве одного из существенных свойство наблюдаемости на практике. В предыдущей главе я утверждал, что все элементы должны являться функциями личности и мыслиться как имеющие размерности, которые (в сознании аналитика) представлены чувственным впечатлением, мифом и страстью.

В этой главе я планирую еще раз вернуться к проблеме в поисках ответа на следующий вопрос: рассматривая каждую психоаналитическую сессию как эмоциональный опыт, какие элементы в ней нужно выбирать, чтобы показать, что этот опыт был именно психоаналитическим, а не каким-то иным?

Многие особенности психоанализа могут рассматриваться как типичные, однако они не всегда являются таковыми. Отступления от общего правила встречи двух людей могут выглядеть несущественными, однако несколько таких кажущихся незначительными различий в совокупности оказываются равносильны существенному расхождению, требующему специального названия. Перечень таких расхождений,

по-видимому, будет описывать составляющие *имитации* психоанализа, а не реального процесса до тех пор, пока они не будут описаны с помощью элементов.

По-видимому, недостатков детальной каталогизации подобных различий можно избежать, если попытаться сфокусироваться на эмоциональных особенностях опыта, а не на трудностях, связанных с обычным для пациентов восприятием анализа как холодного, безэмоционального и к тому же провоцирующего эффекты, присущие интенсивным эмоциям. Самым бесспорным руководством является опыт, и я намереваюсь обратиться к нему в надежде, что мне удастся описать его так, чтобы другие могли сравнить с ним свой собственный опыт.

Положение о том, что анализ должен проходить в атмосфере депривации, обычно понимается так, что аналитику следует удерживаться от любых порывов удовлетворить желания пациента или свои собственные. Сократим данную формулировку, не сужая охватываемой ею области: ни в какой момент анализа ни аналитик, ни анализант не должны терять чувства изолированности в интимных аналитических отношениях[1].

Вне зависимости от того, хорошее или плохое впечатление производит совместная работа, аналитик должен сохранять чувство изолированности (или депривировать пациента), которое связано с пониманием того, что обстоятельства, приведшие к анализу, и последствия, которые он может вызвать в будущем, – это ответственность, которую он ни с кем не может разделить. Обсуждение технических или других аспектов с коллегами или родственниками никоим образом не должно препятствовать этой подлинной изолированности.

Противоположностью установления отношений, способствующих развитию чувства ответственности, является склонность к скупости и жадности[2].

---

1 Этот момент обсуждается снова применительно к понятию «предчувствие».

2 Термины, такие как «жадность», используются потому, что я обсуждаю элементы психоаналитической практики. Отчетливо рас-

У объекта исследования ощущение отстраненности, по-видимому, связано с чувством покинутости, а у исследующего субъекта – с чувством оторванности от источника или от той основы, от которой зависит его существование.

Подведем итог. Отстраненность может быть достигнута лишь ценой болезненного чувства одиночества и оставленности, переживаемого (1) унаследованной примитивной животной частью психики, из которой проистекает отчужденность, и (2) теми аспектами личности, которые отстранились от объекта исследования, воспринимающегося как неотличимый от источника жизнеспособности. Отвергаемый объект исследования – это примитивная психика и примитивные социальные способности индивидуума как общественного или группового животного. «Отстраненная» личность в некотором смысле является для него новой и должна решать задачи, отличные от тех, к которым более приспособлены ее составляющие, а именно к исследованию окружающей среды вне самости, отчасти ценой чувства незащищенности.

познав в таких элементах часть эмоционального опыта, аналитик может исследовать, каким образом они описываются психоаналитическими теориями, например анального эротизма.

Глава 5

Выводы предыдущей главы побуждают меня обсудить вопрос решения, которое принимает аналитик: включает ли оно перевод мысли в действие или какой-то аналогичный процесс, – например, перевод мысли в фиксированную идею, т. е. перевод переменной, какой она была до того, в константу? Поскольку аналитик постоянно вынужден решать, осуществлять ли ему интерпретативное вмешательство, это решение и такие его составляющие, как одиночество и самонаблюдение, должны рассматриваться как элементы психоанализа, по крайней мере, с точки зрения аналитика и, возможно, также и с точки зрения анализанта.

Каждый аналитик может прибегать к интроспекции используемых им клише. Зачастую это означает, что проблемой анализа становится понимание того, какая из возможных интерпретаций является правильной в данный момент. Такое понимание возникает не только на основе ряда идей, выраженных в аналитических статьях, но часто вытекает из разнообразия человеческого поведения в повседневной жизни. На самом деле, это не так уж и странно: аналитические интерпретации могут рассматриваться как *усвоенные* аналитик*ом* теории, объясняющие модели, а также как теории, которые пациент воспринял *от* аналитика. Принято считать, что терапевтический эффект вызывают верные по сути и по форме

теории аналитика. Я считаю, что большинству аналитиков интроспекция покажет, что используемых ими теорий не так много и что их, по-видимому, можно отнести к следующим категориям:

1 Определение. Грубо говоря, интерпретации данного типа по своей форме представляют собой суждения о том, что пациент посредством своих ассоциаций показывает, что он, например, подавлен. Интерпретация может быть сформулирована в виде определяющей гипотезы: «То, что вы (пациент) переживаете в данный момент, я и, как мне кажется, большинство людей назвали бы депрессией». Если такая интерпретация проясняет для пациента то, что аналитик подразумевает в своем определении, она не встретит возражений, поскольку критика была бы возможна единственно в том случае, если бы утверждение выглядело абсурдным вследствие своей внутренней противоречивости.
2 Утверждения, представляющие реализацию таким образом, что страх аналитика перед неизвестностью ситуации и угрозой, которую она может нести в себе, отрицается посредством интерпретации, используемой аналитиком для того, чтобы доказать себе самому и пациенту, что угрозы нет. Любой практикующий аналитик знает, что страхи такого рода относятся к области контрпереноса и требуют анализа самого аналитика. Но так как даже аналитики не способны анализировать все, они могут тяготеть к теории, которая будет использоваться как барьер перед неизвестным для защиты и аналитика, и пациента.
3 Утверждения, представляющие собой образы настоящих и прошлых реализаций. Примером такого утверждения может быть краткое напоминание пациенту о чем-то, что, по мнению аналитика, уже имело место раньше. Соответствующую функцию Фрейд обозначил термином *обозначение*[1].
4 Утверждения, представляющие научную дедуктивную систему в той мере, в какой она может быть описана обычным разговорным языком. Такое утверждение похоже на суждение

1 *Two Principles* // C. P. Vol. XIV, p. 15.

3-го типа тем, что в нем указывается реализация, из которой оно было выведено. Однако существенно то, что его функция подобна функции *внимания,* описанной Фрейдом[1]. Утверждение данного типа обычно предваряется следующим клише аналитика: «Я бы хотел обратить ваше внимание на…» Оно похоже на суждения следующего, 5-го, типа, но является более пассивным, чутким и связанным с мечтанием. Утверждение данного типа является теоретической формулировкой, выраженной с той научной строгостью, какую допускают условия аналитической практики, и выполняет функцию исследования окружения. В этом отношении оно сходно с преконцепцией. Это важно для процесса разграничения. Одна из функций утверждения данного типа – восприимчивость к избранному факту. (Под избранным фактом я понимаю факт, делающий возможным согласование и осмысление других уже известных фактов, связь между которыми до сих пор была не видна.)

5 Утверждения данного типа похожи на 1, 2, 3 и 4 в том, что касается формулировки – все они формулируются одинаковым образом, или, другими словами, в каждом случае словесное выражение интерпретации может быть одним и тем же, – но являются теорией, используемой для исследования неизвестного. Наиболее очевидный пример такого утверждения – миф об Эдипе, абстрагированный и представленный Фрейдом в форме психоаналитической теории. Теоретические формулировки данного типа выполняют ту же функцию, что и интерпретации, призванные прояснить материал (который в противном случае остался бы без внимания) с целью помочь пациенту осознать последующий. Главная цель – получить материал для удовлетворения стремления пациента и аналитика к исследованию. Заметим, что пробный характер таких интерпретаций помогает объяснить отличия между реакциями на них пациента и теми реакциями, которые могут возникать в ответ на интерпретации типа 1 или 4; этот их аспект не связан с содержанием.

1 *Two Principles* // C. P. Vol. XIV, p. 15.

6 Наконец, последний выделяемый мною тип – это утверждение, которое, несмотря на внешнее сходство с репрезентациями всех других типов, используется в качестве оператора. Смысл этой коммуникации заключается прежде всего в том, что она призвана дать пациенту возможность найти решение проблем собственного развития. (Пациент, конечно, может использовать интерпретации данного типа для решения прежде всего своих текущих проблем, а не проблем развития, то есть воспринимать их как советы, однако я не намерен обсуждать здесь данную или другие реакции пациента.) Интерпретации данного типа, а следовательно, и интерпретации в данном конкретном аспекте, выполняют функции, аналогичные *действиям* в рамках других форм человеческой деятельности. Для аналитика переход от мысли к вербальной формулировке типа 6 близок к принятию решения и преобразованию мысли в действие. Из сказанного мной в главе 4 ясно, что в случае действий данного типа чувства одиночества и изолированности, по-видимому, особенно выражены.

Данные категории не являются исчерпывающими и единственно возможными. Надо надеяться, что опыт работы с ними сможет привести к их замене другими, лучшими категориями. Важно сдерживать стремление чрезмерно расширять количество категорий отчасти потому, что этим слишком легко увлечься, но также и потому, что на данный момент мне необходимо, чтобы основных категорий было как можно меньше.

Я должен подчеркнуть, что хотя в практической работе интерпретации могут облекаться в самые различные формулировки, теоретически одна и та же интерпретация, сформулированная в одних и тех же терминах, легко может выполнять любую из этих шести (и даже более) функций в ходе одной и той же сессии. Данные категории выделены мною по основанию той задачи, которую они призваны выполнять, а не по содержанию или форме представления теории. Забегая вперед, скажу, что если пациент и аналитик определили категории, то эти категории используются так,

как используются «мысли». В этой главе был затронут специфический аспект того, что шире можно назвать мыслями, переданными словами или комбинациями слов.

Таким образом «**I**» категоризируется (гл. 1, с. 14) в соответствии с тем, как могут использоваться репрезентации **I**. Такое описание **I** является схематическим и исключает временну́ю составляющую, которая играет существенную роль в генетическом или эволюционном описании. Ввиду той важности, которая должна быть признана за **I** как кандидатом на то, чтобы быть элементом психоанализа, я намерен посвятить следующие несколько страниц генетическому (в противоположность схематическому) описанию **I**, хотя это и будет повторением некоторых идей, представленных в моей статье о мышлении[1].

---

1 «Симпозиум о мышлении», Международный конгресс по психоанализу. Эдинбург, 1962 г.

Глава 6

Предложенная мной классификация аналитических интерпретаций может быть применена ко всем утверждениям как пациента, так и аналитика. Однако я хочу ввести другой вариант классификации для того же самого материала, и с этой целью я предлагаю обратиться к опыту работы с пациентами, страдающими расстройствами мышления. В отличие от схемы, предложенной в предыдущей главе, здесь я представлю ее генетически, а не систематически. Вопрос о существовании соответствующей ей реализации я оставляю открытым.

1 β-элементы. Этот термин обозначает самую первичную матрицу, на которой возможно возникновение мысли. По своим свойствам она напоминает и неживой объект, и психический объект без каких-либо отличий между ними. Мысли – это вещи, вещи – это мысли; при этом они имеют личностный характер.
2 α-элементы. Этот термин означает результат воздействия α-функции на чувственные ощущения. Они являются не объектами реальности внешнего мира, а продуктами переработки чувственных данных, признаваемыми относящимися к этой реальности. Они делают возможным формирование и использование мыслей сновидения.

Я не считаю, что есть или могут быть какие-либо иные свидетельства существования реализаций, соответствующих α-элементам, β-элементам или α-функции, помимо наблюдаемых фактов, описать которые возможно лишь с помощью гипотетических элементов. В случае остальных формулировок ситуация иная. Можно предположить наличие свидетельств существования мыслей сновидения, преконцепций[1] и всего остального. Продолжим.

3 Мысли сновидения. Они зависят от предварительного существования β- и α-элементов; во всем остальном они не требуют иного уточнения помимо того, что дает классическая психоаналитическая теория. Они передаются посредством манифестного содержания сновидения, но остаются скрытыми до тех пор, пока это содержание не будет переведено на язык более сложных понятий.

Посредством сновидений мы проникаем в те области, где феномены, с которыми мы имеем дело, представлены явно. По крайней мере, у нас есть прямое свидетельство этого, когда пациент говорит, что видел сон, и продолжает подробно его излагать. К сожалению, эта уверенность пропадает, когда осмысляется сам предмет исследования. Для продолжения работы, как правило, достаточно утверждения о том, что пациент видел сон, но не в тех случаях, когда нам нужно знать, что именно происходило с пациентом во время сна. Например, если пациент жалуется на боль в ноге, должны ли мы предполагать (в соответствующем сеттинге), что ему *приснилась* боль в ноге, или мы должны считать, что иногда манифестное содержание сновидения может составлять серия болезненных ощущений, а не только серия зрительных образов, которые вербализуются и связываются повествованием?

---

1 На с. 84 автор различает термины пре-концепция и преконцепция, связывая первое понятие с развитием мышления, а второе – с использованием теории. – *Прим. пер.*

4 Пре-концепция[1]. Это понятие относится к состоянию ожидания. Это такое состояние, в котором сознание готово к восприятию определенного ряда явлений. Ранним его проявлением может быть ожидание младенцем груди. Соединение пре-концепции и реализации порождает концепцию.

5 Концепция. Концепция может рассматриваться как переменная, замененная на константу. Если мы представим пре-концепцию как Ψ (ξ), где (ξ) – это ненасыщенный элемент, тогда из реализации, с которой связывается пре-концепция, возникает нечто, что делает (ξ) константой. Тем не менее, концепция может сама затем стать пре-концепцией, выражением ожидания. Соединение Ψ (ξ) с реализацией удовлетворяет ожиданию, но увеличивает способность Ψ (ξ) к дальнейшему насыщению[2].

6 Понятие возникает из концепции в результате процесса, организованного таким образом, чтобы освободить ее от элементов, непригодных в качестве средств прояснения и выражения истины.

7 Научная дедуктивная система. В данном контексте термин «научная дедуктивная система» означает объединение понятий в гипотезы и системы гипотез так, что они оказываются логически[3] связанными друг с другом. Логическая связь одного понятия с другим и одной гипотезы с другой расширяет значение таким образом связанных понятий и гипотез, и это означает, что понятия, гипотезы и связи не существуют порознь. В связи с этим можно сказать, что смысл целого должен быть больше суммы смыслов его частей.

---

1 Данное описание пре-концепции является предварительным. Подробно данное понятие разбирается дальше, а именно в гл. 18 и далее.

2 Сравните это с тем, что я говорю в гл. 18 об абстракции.

3 Сравните состояние логической связанности с тем, что я говорю в гл. 18 о когерентности.

8 Исчисление[1]. Научную дедуктивную систему можно представить как алгебраическое исчисление. В алгебраическом исчислении несколько символов объединяются вместе согласно определенным правилам сочетания. Символы лишены каких-либо иных свойств, кроме тех, что им назначены правилами сочетания. Выражение $(\mathbf{a}+\mathbf{b})^2 = \mathbf{a}^2 + \mathbf{b}^2 + 2\mathbf{ab}$ задает правило сочетания **a** и **b**. **a** и **b** не имеют никакого другого смысла, кроме того, что они могут заменяться числами и что ими можно манипулировать в соответствии с выражением $(\mathbf{a}+\mathbf{b})^2 = \mathbf{a}^2 + \mathbf{b}^2 + 2\mathbf{ab}$. Короче говоря, утверждение, что **a** и **b** обладают свойствами, может означать только то, что этими символами можно манипулировать согласно правилам и что правила, которым они подчиняются, могут быть выведены из утверждения, сохраняющего (как и концепции) свойство насыщаться.

На этом я завершаю свое генетическое описание. Теперь я предлагаю совместить его со схематическим описанием, представленным в главе 5, где были намечены контуры условной схемы, при помощи которой могут быть категоризированы различные *способы использования* «**I**», в данной же главе я предложил схему различных *стадий,* через которые может проходить «**I**» в своем развитии. Необходимо отметить, что в генетической схеме о всех строках[2] **B–H** включительно можно говорить как о содержащих ненасыщенные элементы, которые ждут реализации, прежде чем они смогут «удовлетвориться» и станет возможным дальнейшее их использование в качестве преконцепций. Строка **A** отличается от всех других строк тем, что она не содержит ненасыщенных элементов и вследствие этого не может использоваться в качестве преконцепции. Строку **B** – α-элемент я предлагаю

1 Подробное описание терминов «научная дедуктивная система» и «алгебраическое исчисление» в том виде, в каком они используются в строгом научном подходе, смотрите Braithwaite R. B. *Scientific Explanation* // C. U. P., 1955.

2 Речь идет о строках таблицы. – *Прим. пер.*

оставить пока без обсуждения по особой причине. По той же причине я проигнорирую важные аспекты строки **C** – мысли сновидения и сами сновидения, которые обсужу позднее. В таблице, приведенной на с. 6, я расположил систематическое и генетическое описания вдоль двух осей.

От такой формальной таблицы веет ригидностью, которая представляется чуждой клиническому подходу. Я надеюсь, что последующее обсуждение ее использования рассеет имеющиеся на этот счет опасения – при условии, что использование будет правильным. Я покажу, что оно подразумевает, на нескольких примерах. Числовые индексы – это столбцы в таблице.

A1. Данная категория может быть определена как очень примитивная. Она указывает на отсутствие той четкой дифференциации свойств, которую мы ожидаем найти, скажем, в сновидении, рассказываемом пациентом. Она свидетельствует об отсутствии четкого различения свойств живого и неживого, субъекта и объекта, духовного и научного. В силу своей насыщенности она не может использоваться как преконцепция. В качестве определения она может рассматриваться единственно в том смысле, что, определяя нечто, мы, можно сказать, заключаем его в определенные рамки: вербализация не раскрывает значение, а «запирает» его. В этом смысле она похожа на проективную идентификацию. В примере, описанном в моей статье о мышлении (чтобы излишне не обременять читателя массой примеров, я буду использовать их очень мало и попрошу потерпеть скуку, связанную с повторами), младенец, переживающий страх смерти, вкладывает его в β-элемент (теперь относящийся к категории **A1** таблицы). Страх проецируется в контейнер, и дальнейшая его судьба зависит от ряда обстоятельств, которые я не буду рассматривать здесь, опережая события, а разберу позже.

A2. Поскольку **A1** не может развиваться, признаки **A1** указывают на то, что **A2**, строго говоря, должна быть пустым множеством. В каком-то смысле **A1** может выполнять некоторые функции **A2**, так как присущая **A1** ограниченность не допускает никакой многозначности. При этом сравнение

с **G2** показывает, что между **A2** и **G2** есть существенное различие (поскольку **A2,** можно сказать, существует за счет **A1**), и следствие из этого различия должно быть, соответственно, еще более существенным.

Я не буду детально рассматривать **A3**, **A4** и **A5,** поскольку к ним применимо (с соответствующими изменениями) все то, что я сказал о **A2**. Существенно то, что они являются пустыми множествами. Относительно же **A6** стоит кратко заметить, что β-элемент, задействованный проективной идентификацией, позволяет использовать ее в качестве оператора. Важность **A6** будет более четко определена при сравнении с **D6**, **E6**, **F6**, **G6** и **H6**, которые я пока не обсуждал.

Когда β-элемент, скажем страх смерти, проецируется младенцем, контейнер принимает и «обезвреживает» его, то есть модифицирует таким образом, чтобы младенец мог спокойно принять его обратно в свою личность. Этот процесс аналогичен действию α-функции. Младенец зависит от матери, играющей роль его α-функции.

Другими словами, страх модифицируется, и в результате этого β-элемент становится α-элементом. Более конкретно можно сказать, что из β-элемента устраняется избыток эмоции, ведущий к усилению запрещающей и разрушающей (explusive) компоненты; поэтому трансформация приводит к тому, что младенец становится способным принять обратно нечто, для удобства назовем это α-элементом, что теперь может использоваться в качестве определения или преконцепции. Изменение, которое совершает мать, принимающая младенческий страх, – это то, что позже при достаточно успешном развитии личности станет α-функцией. Кроме того, α-функцию можно описать как имеющую отношение к изменению, которое я связал с концепцией[1] и понятием (**E** и **F** в данной главе), представленными мною в генетическом описании.

---

1 См. начало гл. 6 с обсуждением динамики развития, а также гл. 18 и далее.

Глава 7

Представленную в предыдущей главе таблицу я обозначу символом **I**[1]. Я не собираюсь обсуждать смысл (если таковой имеется) всех категорий, заданных в координатных осях, подобно **G1**. Нам не нужно предполагать существование таких элементов. Тем не менее, я не хочу сейчас от них отказываться; я предлагаю в поисках элементов рассмотреть еще раз оси структуры. Используя символ **I**, я имею в виду либо всю таблицу, либо какую-то одну или более ее ячейку, для которых я задал координаты. В качестве примера давайте представим, что в ходе анализа преобладает материал типа **I**. Такое представление должно возникнуть как результат расслабленного или свободно плавающего внимания; это состояние сознания близко тому, что представлено **D4** (поскольку я уже прошел личный и психоаналитический тренинг, я могу делать определенные предположения). Состояние внимания, чувствительное к продуцируемому пациентом материалу, почти соответствует пре-концепции, и поэтому переход от внимания к преконцепции представляется в таблице как движение от **D4** к **E4**. Если я ищу подтверждение в другом представляемом пациентом материале, то вступают в действие **E3** и **E5**; если я начинаю *вербализировать* свои

1 См. обсуждение чувств в гл. 19.

впечатления, задействуется также **F5**. Если в итоге возникает ощущение, что наступил момент для интерпретации, происходит следующий сдвиг, теперь к **G6**, и предлагается формулировка, нацеленная на то, чтобы оказать воздействие на пациента.

Как только какие-либо аспекты поведения пациента, связанные с его анализом, подпадают под тот или иной класс явлений в **I**, эти аспекты могут быть представлены определенными категориями таблицы. Допустим, пациент сказал в начале сессии: «Я знаю, что Вы мной недовольны». Зная пациента, я могу думать, что он ссылается на нечто, имевшее место в ходе предыдущей сессии. Тогда я получаю теорию, в которой предполагается наличие у пациента представления о событии из прошлого. В этом случае понимание может рассматриваться почти соответствующим **G3**. Но если **G3**-аспект сессии приводит меня к мысли, что данный материал пациент использует в качестве подтверждения предположения о моем недовольстве им, тогда я буду считать, что его замечание относилось к категории **G1**, то есть что оно соответствовало определяющей гипотезе.

Если контекст утверждения позволяет мне предполагать актуализацию чувства преследования и что преконцепции пациента могут склонять его рассматривать мое поведение как доказательство этого, тогда его утверждение будет подпадать под категории **E4** и **F4**. Если, однако, я рассматривал утверждение как попытку получить подтверждение или опровержение, тогда мне следует использовать класс **G6**.

В этом примере я предполагал, что смысл высказывания пациента лежит в области **I**. Я так долго разбирал свой пример, чтобы определить именно ту категорию, к которой его можно отнести в данном случае. Если контекст анализа указывает на то, что смысл связан с эдиповым соперничеством, тогда его отнесение к тем или иным категориям **I** будет иметь второстепенное значение – оно позволит определить природу представленного эдипова материала. Однако если рассматривать **I** как таковую, то важность содержания зависит от того, к какой категории **I** оно будет отнесено. Все

категории в таблице (за исключением, возможно, строки **B**) можно считать играющими определенную роль (в чем-то более значимую, в чем-то – менее) в любом психоаналитическом материале. Читатель может сам видеть, что в таблице имеются некоторые категории, к которым процесс мышления аналитика сводить не следует. За исключением, быть может, ситуаций написания статей или выполнения действий, выходящих за рамки анализа, трудно представить, зачем ему могут потребоваться вычисления, даже если они осуществимы: точно так же, но по иным причинам, известным любому аналитику, он не должен прибегать ни к какой категории из столбца **2**. Табличное представление может быть полезным для выявления тех особенностей аналитической ситуации, которые могут стать препятствием для анализа.

Меня непосредственно занимает вопрос использования таблицы, когда как проблема рассматривается сама **I**. Таблица построена так, чтобы можно было охватить все стороны явления, обыденным языком определяемого как «мысль» (хотя правомерность описания некоторых категорий таким образом может вызывать возражения). В другом месте[1] я говорил, что пациенты, страдающие нарушениями мышления, кажутся обязанными своей патологией отчасти нарушениям формирования мыслей, представленных в таблице β-элементами, отчасти – нарушениям развития аппарата переработки мыслей. Легко сказать, что с мыслями обычно делают – их думают, но гораздо сложнее решить вопрос о том, что данное утверждение означает фактически[2]. На деле же оно становится более многозначным при противопоставлении его тому, что делает с мыслями, *вместо* того, чтобы думать их, психотическая личность, и понятно, какого рода дисциплину и преодоление каких препятствий предполагает логическое мышление. Я не буду рассматривать те способы, к которым прибегает логическое мышление, отчасти потому, что я уже включил их как факторы в **I**-функцию; отчасти же – потому, что опыт

1 Bion W. R. *Learning from Experience.*

2 См. гл. 18 о механизмах, связанных с согласованием и пониманием.

работы с расстройствами мышления показывает, что значение этих способов состоит главным образом в их прояснении.

Вначале я представлю теорию в виде следующей модели. Младенец, страдающий от внезапных приступов голода и страха смерти, терзаемый чувством вины и тревогой и снедаемый жадностью, испытывает замешательство и плачет. Мать берет его на руки, кормит и утешает, и в конце концов младенец засыпает.

Преобразуя модель так, чтобы представить чувства младенца, мы приходим к следующему варианту. Младенец, наполненный испражнениями, мочой, обуреваемый приступами чувства вины, страха внезапной смерти, жадности и низости, изгоняет эти плохие объекты в отсутствующую грудь. Таким образом, хороший объект превращает не-грудь (рот) в грудь, испражнения и мочу – в молоко, страх внезапной смерти и тревогу – в жизнеспособность и доверие, жадность и низость – в чувства любви и великодушия. Младенец «всасывает», принимая обратно, эти плохие качества, которые теперь преобразованы в хорошие. В качестве абстрактного понятия в этой модели я ввожу понятие аппарата, перерабатывающего эти примитивные категории **I**, который состоит из контейнера ♀ и контейнируемого ♂. Этот механизм рассматривается в теории проективной идентификации, в рамках которой Мелани Кляйн формулировала свои открытия, связанные с ментальной жизнью младенца[1]. Я предлагаю обозначать аппарат мышления символом ♀♂[2]. Материалом, из которого, так сказать, строится этот аппарат, является **I**. Материал, с которым этот аппарат, как предполагается, будет иметь дело, – это **I**. **I** развивает способность каждого своего аспекта брать на себя функцию ♂ или ♀ по отношению к любому другому аспекту ♀ или ♂. Мы должны теперь рассмотреть **I** в ее ♀♂ действии, то есть в том действии, которое производит мышление, понимаемое обычным образом. С точки зрения содержания, мышление зависит от успешной

1 Klein M. *Notes on Some Schizoid Mechanisms.* 1946.

2 См. гл. 18 о согласовании и понимании.

интроекции хорошей груди, которая обычно отвечает за работу α-функции. От этой интроекции зависит способность любой части **I** быть ♂ для ♀ любой другой ее части. О роли сказанного для объяснения и согласования я буду говорить в другом месте[1]; коротко говоря, объяснение можно считать связанным с отношениями между частями психики, а согласование рассматривать как сравнение содержания, выраженного одним из аспектов **I**, с содержанием, выраженным другим аспектом **I**.

1 См. гл. 18 о согласовании и понимании.

Глава 8

Теперь необходимо рассмотреть ряд противоречий и неясностей, хотя для их разрешения нам может не хватить имеющихся на сегодняшний день знаний. Вначале я предлагаю рассмотреть генетическую[1] ось с точки зрения проективной идентификации, обозначенной мною символом ♀♂. Предвосхищая то, о чем я буду говорить в главе 17, предположу, что действие ♀♂ является доброкачественным и обусловливает развитие, описываемое генетической последовательностью от **A** до **H**. (Для уяснения того, что я подразумеваю под доброкачественным действием ♀♂, см. описание модели на с. 46.) Рассмотрение последовательности от **A** до **H** в свете ♀♂ показывает, что отношение категорий друг к другу едино в том, что каждая категория зависит от изменений (в предыдущей категории), заставляющих ее выполнять роль не только преконцепции, но также и записи. Так, **E1** возникает в результате сопряжения **D1** с пониманием, что делает возможным формирование понятия, которое, в свою очередь, приводит к **F1**. Другими словами, элемент, представленный, скажем, символом **D1**, расширяет область действия функции обозначения так, что функция внимания (термины «обозначение» и «внимание» используются в том же смысле,

1 Генетическая ось – вертикальная ось таблицы. – *Прим. пер.*

в каком их применял Фрейд[1]) тоже усиливается. Используя таблицу, скажем то же самое иначе: **D1** проходит в своем развитии стадии, представленные символами **D3** и **D4**, и становится **E1**.

Механизм смены фаз, представленных символами от **A** до **H**, можно таким образом обозначить символом ♀♂.[2] Связь ♀♂ между фазами, представленными категориями от **A** до **H**, является механической. Какова же динамическая связь между ними? Она обозначается символами **L**, **H** и **K**. Доброкачественность действия ♀♂ зависит от природы динамической связи.

Систематическая ось **I** – способы использования утверждения – включает ряд категорий, который может быть продолжен. Поскольку утверждение одно и то же, а меняется только способ его использования, очевидно, что различные способы использования утверждения связаны самим утверждением. Фактически, на систематической оси необходимо найти аналог механизма, генетически связывающего категории генетического описания. Такой поиск предполагает изучение механизма модифицирования удовольствия и боли и уклонения от них, однако я не могу приступить к этому исследованию прямо сейчас. Возможно, механизм, посредством которого один способ использования оси **1–6** переходит в другой, тот же, что задействуется при уклонении или модифицировании, а динамика представлена удовольствием и болью.

После открытия Мелани Кляйн параноидно-шизоидной и депрессивной позиций возникла потребность в теории, которая позволила бы связать разрозненные элементы, ассоциирующиеся с чувством преследования, в единое целое, и сопоставить их с депрессивным чувством. Я использую эту теорию наряду с понятием «избранный факт», заимствованным у А. Пуанкаре[3]. Каждое «использование», классифицированное

1 Фрейд З. *Два принципа психического функционирования.*

2 Дальнейшее рассмотрение показывает, что этот механизм связан с ростом.

3 Пуанкаре А. *Наука и метод* / Poinkare H. *Science and Method,* p. 26. Dover Publications.

по категориям **1–6** схематической оси, зависит от действия указанного механизма на элементы **A–G**. Таким образом, использование, которое предполагает отнесение того или иного аспекта к категории от **A** до **H** с целью сбора сведений или исследования, становится возможным благодаря действию этого механизма, и при этом сам способ использования определяется им. Рассматриваемый механизм я обозначаю символом **PS↔D**. Динамическая связь, как и раньше, представляется посредством **L**, **H** или **K**.

Процесс перехода от одной категории таблицы к другой может описываться как дезинтеграция и интеграция, **PS↔D**. Доброкачественное или иное изменение, инициированное механизмом ♀♂, зависит от природы динамической связи **L**, **H** или **K**.

В дальнейшем мы увидим, что для объяснения процесса развития мыслей в обсуждение, начавшееся с проведения различия между мыслями и использующим их аппаратом в соответствии с тем, что мысли предшествуют мышлению и потому могут изучаться независимо от него, требуется снова ввести примитивные механизмы мышления (или что-то очень на них похожее). На самом деле, проще счесть, что такой спонтанный ход обсуждениия раскрывает факты, которые в большей степени соответствуют истине, чем если бы мы приняли положение о первичности мыслей, удобное эпистемологически, как верное представление реальности мышления. Тем не менее, есть основания предполагать, что примитивное «мышление» в ходе развития мысли должно отличаться от мышления, необходимого для использования мыслей[1]. Мышление, задействуемое в ходе развития мыслей, отличается от мышления, использующего мысли, завершившие свое развитие. В основе последнего типа мышления лежит механизм **PS↔D**, рассматриваемый в гл. 9[2]. Когда реальность, психическая или внешняя, вынуждает использовать мысли, примитивные механизмы должны обладать

1 См. о развити ♀♂ и **P↔D** и взаимодействии между ними в гл. 18.

2 А также в гл. 18–20.

точностью, достаточной для выживания. Поэтому, наряду с той ролью, которую играют инстинкты жизни и смерти, мы должны рассматривать также разум, который в своей зачаточной форме и во власти принципа удовольствия является рабом страстей, но заставляет предполагать у него наличие функции, позволяющей ему стать господином страстей и основоположником логики. Поиск удовлетворения несовместимых желаний будет вызывать фрустрацию. Успешное преодоление фрустрации предполагает разумное поведение, и выражение «диктат разума» может олицетворять примитивную эмоциональную реакцию на функцию, призванную удовлетворять, а не фрустрировать. Аксиомы логики, таким образом, уходят своими корнями в переживание неудачи разума в выполнении им своей первичной функции удовлетворять страсти, равно как и существование могучего разума может быть проявлением свойства данной функции отражать атаки фрустрированных и возмущенных «хозяев». Эти соображения должны учитываться, поскольку доминирование принципа реальности стимулирует развитие мысли и мышления, разума и осознания психической и окружающей реальности.

Глава 9

Механизм проективной идентификации дает младенцу возможность оперировать с примитивной эмоцией, и таким образом вносит вклад в развитие мыслей. Взаимодействие депрессивной и параноидно-шизоидной позиций тоже связано с развитием мыслей и мышления. Было замечено (Мелани Кляйн и Сигал), что с депрессивной позицией связано формирование символа. Это соотносится с тем, что способность мыслить сопряжена с взаимодействием позиций. Может показаться, что чередование **PS↔D** связано с ♀♂, но различия между ними затрудняют понимание того, какую форму может принимать эта связь, если таковая имеет место быть[1]. **PS↔D** свойственно так объединять элементы, между которыми нет видимой фактической или логической связи, что в результате обнаруживается их неожиданная согласованность (как в примере Пуанкаре[2]). Действие **PS↔D** служит обнаружению взаимосвязей между «мыслями», уже созданными ♀♂. Однако на деле это выглядит так, словно **PS↔D** является таким же источником мыслей, как и ♀♂. Необходимо более детально изучить процесс развития.

1 См. ниже обсуждение роста в гл. 18.

2 Пуанкаре А. *Наука и метод* / Poincare H. *Science and Method,* p. 30. Dover Publications.

Одно из самых ранних моих наблюдений дает основание полагать, что ход развития мышления через **PS↔D** зависит от продуцирования знаков. То есть прежде, чем думать, индивидуум должен соотнести элементы, сформировать знаки и увязать эти знаки между собой. В случае одного из моих пациентов «написание» предшествовало не только речи, но и мышлению. Речь этого индивидуума была непонятна, если я пытался разобрать ее, используя известные мне слова и общепринятую грамматику. Она становилась более понятной, если думать о ней как о машинальном звуке, похожем, скорее, на немелодичный и бесцельный свист; ее нельзя описать как речь, поэтическую речь или музыку. Так же как бесцельный свист не может быть музыкой, потому что не подчиняется никаким правилам или порядку музыкальной композиции, так же как каракули не могут быть рисунком, поскольку в них не соблюдается порядок, присущий художественному творчеству, так и речь индивидуума не может быть квалифицирована как вербальная коммуникация, если она не подчиняется правилам согласованной речи. Используемые с этим пациентом слова образовывали беспорядочный звуковой паттерн[1]. Он полагал, что его высказывание структурировано, поскольку считал, что слова и фразы, произносимые им, воплощены в предметах интерьера. Паттерн, формирующийся при оперировании реальными объектами (не фразами), предположительно раскрывал их значение, и пациент ожидал, что это значение он сможет теперь принять обратно в себя. Отметим, насколько это похоже на проективную идентификацию.

Представленный мною процесс можно рассматривать как попытку описать мышление, поскольку (хотя казалось, что вербализация указывала на существующие объекты и зависела от их наличия) более тщательное исследование показало, что объекты использовались как знаки, дающие возможность размышлять об объектах, которых *нет*. При таком понимании предметы в комнате использовались точно так же, как для решения задачи математик использует математические

1 См. ниже: согласованность и смысл.

выражения, которые никак не зависят от физического присутствия объектов, с которыми эта задача связана. Обычно, если человек хочет узнать, сколько яблок у четырех человек, каждый из которых имеет по три яблока, ему не требуется присутствия людей и яблок, поскольку он может воспользоваться математическим выражением и правилами манипулирования символами. Пациент, демонстрировавший описанные мною способности (успешно использовать объекты в комнате), «мыслил» об объектах, которых в комнате *не было*. Важно отметить, что в этом примере объекты в комнате – это не символы, а знаки. Поскольку пациенту необходимо было присутствие соответствующих объектов, прежде чем он сможет начать думать, они были непригодны в качестве знаков: однако с учетом того, что они не являлись теми действительными объектами, о которых пациент пытается «думать», они отражали его попытку придумать знаки и воспользоваться ими. В этом отношении *данная* форма использования реальных объектов свидетельствует о некоторой степени освобождения от состояния вынужденного использования реальных объектов.

Судя по всему, среди этих объектов-знаков – для удобства я буду называть их таким образом – присутствует один, гармонизирующий все остальные: за счет предполагаемых у такого объекта функций он напоминает «избранный факт», по Пуанкаре. Но, в отличие от избранного факта в подразумеваемом мною значении термина, этот объект ощущается пациентом никак иначе, кроме как вещь-в-себе. В отличие от избранного факта, этот β-элемент зависит от случайных внешних обстоятельств.

Заманчиво было бы предположить, что преобразование β-элемента в α-элемент зависит от ♀♂ и что действие **PS↔D** связано с предыдущим действием ♀♂. К сожалению, такое относительно простое решение не объясняет должным образом события, происходящие в кабинете терапевта. Прежде, чем будет задействован ♀♂, должен быть найден ♀, а обнаружение ♀ связано с действием **PS↔D**. Очевидно, что выяснение вопроса о первичности ♀♂ или **PS↔D** отвлекает нас от решения главной задачи. Я буду исходить из того, что существует

смешанное состояние пациента, в котором им овладевают чувства депрессии и преследования. Эти чувства неотличимы от телесных ощущений и от того, что (в свете более поздней способности к различению) может быть описано как вещь-в-себе. Короче говоря, β-элементы – это объекты, состоящие из вещей-в-себе, депрессивно-параноидных чувств и вины, и, значит, аспекты личности связаны друг с другом ощущением беды[1]: более тщательное клиническое исследование ждет своего срока.

Я не утверждаю, что существует реализация, которая соответствует нижеследующему описанию; мои слова следует воспринимать как репрезентацию гипотез, необходимую для приведения в согласие разнообразных клинических наблюдений.

β-элементы измельчены и рассеяны; посредством **PS↔D** и избранного факта такое диспергирование устраняется до тех пор, пока пациент не найдет контейнер (♀), который обеспечит сцепление β-элементов в форме контейнируемого (♂).

Пока ♀ не найден, диспергированные β-элементы могут рассматриваться как бесплодный прототип контейнера – слабо структурированный контейнер, похожий на ретикулум[2] доктора Жака[3]. С тем же успехом их можно рассматривать как бесплодный прототип контейнируемого – слабо структурированного ♂ до его концентрирования и помещения в ♀.

Данное описание можно переформулировать, используя понятие **PS↔D**: сцепление β-элементов и образование ♂ аналогичны интегративному механизму депрессивной позиции;

---

1 Существует четкая параллель с описанными Р. В. Онинансом греческими идеями загадки и сфинкса (Onians R. B. *Origins of European Thought* / P. 369 C. U. P.).

2 См.: Elliot Jaques, *Disturbances in the Capacity to Work* // Int. J. Of Psycho-Anal., Vol. XLI, 1960. – *Прим. пер.*

3 Elliot Jaques — психоаналитик и социальный психолог канадского происхождения. После Второй мировой войны переехал в Англию и умер в Америке. Его французская фамилия произносилась на британский манер как «Джейкс», при этом, со слов современников, сам он произносил ее как «Джакс». – *Прим. пер.*

диспергирование β-элементов аналогично расщеплению и фрагментации, присущим параноидно-шизоидной позиции.

Переформулируем представленное выше описание, используя более сложные термины: диспергированные β-элементы похожи на преконцепцию, которая может связываться с реализацией и образовывать понятие: например, ожидание груди связывается с реализацией груди.

Хотя чередование концентрирования β-элементов с образованием ♂ и диспергирования с образованием слабо связанного ♀ (ретикулум в поисках ♂) побуждает думать о **PS↔D**, на деле эти процессы нельзя рассматриваться как эквивалентные, поскольку у β-элементов отсутствует валентность, необходимая для истинной интеграции. Взаимодействие между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями относится к стадии, на которой элементы обладают способностью интегрироваться, и интеграция представляет собой словесные утверждения, состоящие из членораздельных слов. Такие утверждения представляют реализацию не только через содержание, но и через форму утверждения. Концентрирование β-элементов больше похоже на агломерацию, нежели на интеграцию и согласование; соответственно, связанные с этим процессом депрессия и чувство преследования являются несогласованными.

Если диспергированные β-элементы находят контейнер (соответствующей ♀ моделью может служить грудь), то диспергированные β-элементы, функционирующие, как мы видели, подобно слабо связанной сети (контейнер в поисках контейнера), становятся, как в нашем случае, значительно более жадными и депрессивно-преследующими. Изгоняемый объект – центр β-элементов, уже ослабленных диспергированием, – подвержен угрозе уничтожения со стороны опорожненных β-элементов, так как диспергированные элементы стремятся к насыщению. Дальнейший ход развития событий был описан Мелани Кляйн и ее коллегами, и сейчас мы не будем на этом задерживаться. Моя главная цель – установить связь между теорией проективной идентификации и теорией параноидно-шизоидной и депрессивной позиций.

Глава 10

Во втором параграфе предыдущей главы я описал поведение, направленное на развитие мысли, как взаимодействие **PS↔D** с объектами внешней реальности, расценивающимися как β-элементы. Я уподобил этот процесс машинальному рисованию или письму как способу вынесения объектов вовне, после чего их можно тщательно исследовать, каким-то образом проработать и наделить смыслом. Процесс, который я описал как этап в развитии способности думать (то есть манипулировать β-элементами, используя механизм **PS↔D**), может также рассматриваться как стадия развития самосознания; судя по всему, части личности должны входить в структуру β-элементов. Это утверждение означает, что мы предполагаем, что элементы (после того, как мы еще раз рассмотрим вопрос о том, что представляют собой элементы психоанализа) обладают такими свойствами, как жадность, любовь, ненависть, зависть, любопытство. Механизмы, задействованные в этих примитивных явлениях, могут рассматриваться (упрощенно) как **PS↔D** (или фрагментация↔интеграция) и ♀♂ (или изгнание↔переваривание). Теперь я переформулирую описание этих механизмов в терминах моделей.

PS можно рассматривать как облако частиц, способных двигаться вместе (**D**), а **D** – как объект, способный

фрагментироваться и диспергироваться (**PS**). **PS**, частицы, могут рассматриваться как неопределенное облако. Составляющие его элементарные частицы при рассмотрении могут быть сведены к одной частице, объекту или β-элементам. Этот процесс является частным случаем общего движения, обозначенного символом →**D**.

В некоторых случаях **D** может рассматриваться как интегрированный объект, как скопление (агломерат), обусловленное конвергенцией (схождением) элементарных частиц к одной частице или β-элементу, а в других случаях – как особая инстанция (♀ или ♂) интегрированного объекта. Можно даже использовать **D** для обозначения пространства диспергированных фрагментов или элементарных частиц **PS**. Иными словами, если для нас важно *поле* фрагментации, **D** может представлять все поле элементарных частиц.

Покажем, что **PS** может функционировать так, словно является формой ♀. На практике, реализацию, соответствующую данной абстракции, можно видеть, когда пациент выплескивает на аналитика серию несогласованных, неартикулированных и бессвязных ассоциаций, призванных побудить его высказать утверждение, выполняющее функцию либо (1) избранного факта, который позвольт достичь целостного понимания (интерпретация), либо (2) многозначительного комментария, из которого будет извлекаться смысл, либо (3) многозначительного комментария, с которым будут связываться бессвязные ассоциации, чтобы разрушить смысл («И что?» – может сказать пациент в ответ на отклик, полученный от аналитика), либо (4) многозначительного комментария, которым пациент попытается завладеть посредством бессвязных ассоциаций. (Пациент всякий раз молчит и не отвечает, но затем высказывает мысль аналитика как свою собственную.)

Подытоживая, можно сказать, что каждый из этих двух механизмов может действовать в свойственной именно ему манере или напоминать способ действия другого механизма. Мое описание работы **PS** в качестве ♀ можно считать описанием ситуации, когда механизм **PS**↔**D** задерживается на **PS**,

но (чтобы сохранить свою жизненную функцию) выражается в механическом характере действия ♀♂ и таким образом сохраняет свое динамическое качество. Аналогично, ♀♂ может подразумевать качественные свойства действия **PS↔D**[1].

В последней части седьмой главы и далее я разбирал механику работы мышления. Я предположил, что мысли необходимо считать существовавшими до возникновения аппарата, использующего их. В ходе обсуждения я изменил эту точку зрения, предположив, что термин «мышление» должен использоваться для описания процессов, благодаря которым возникают мысли, и процессов, посредством которых происходит дальнейшая переработка этих мыслей. Если термин «мышление» охватывает одновременно и продуцирование, и использование мыслей, то его необходимо дифференцировать таким образом, чтобы деятельность по созданию можно было рассматривать отдельно от деятельности по использованию. Затем я отдельно рассмотрел **PS↔D** и ♀♂ как механизмы, связанные с продуцированием и использованием мыслей. В конце я попытался показать, что **PS↔D** и ♀♂ должны пониматься не как обозначения реализаций двух отдельных видов деятельности, а как механизмы, каждый из которых при необходимости может проявлять свойства другого. Содержательная сторона всего этого интересовала меня лишь в той мере, в какой помогала иллюстрировать рассматривавшиеся механизмы. Прежде чем обратиться к «содержанию», я должен указать на трудности в использовании этого понятия. Оно явно относится к тому типу гипотез, которые я обозначил символом ♀♂. Мы уже сталкивались с трудностями, сопряженными с использованием таких понятий, как «механизм», в рамках рассматриваемой модели и с тем, что она не годится для передачи смысла, когда существенным его аспектом является его принадлежность живому. Использование понятия «содержание» связано с трудностями того же рода. Хотя об эдиповой ситуации я буду говорить так, словно она является содержанием мыслей, тем не менее, будет видно,

1 В частности, переваривание ♂ в ♀ и проникновение ♂ в ♀ заменяют собой некоторые функции избранного факта.

что сами мысли и мышление можно рассматривать как части содержания эдиповой ситуации. Термин «эдипова ситуация» можно применять (1) к реализации отношений между Отцом, Матерью и ребенком, (2) к эмоциональной преконцепции, подразумевая, что «преконцепция» связывается с осознанием реализации и приводит к появлению концепции, (3) к психологической реакции, возникающей у индивидуума в ответ на (1). Я надеюсь, что из контекста будет ясно, в каком из этих значений я использую данное понятие.

Фрейд, используя миф об Эдипе, пролил свет не только на природу сексуальных сторон личности человека. Благодаря его открытиям стало возможно пересмотреть миф и увидеть, что в нем содержатся элементы, которые не выделялись в более ранних исследованиях, потому что затенялись сексуальной составляющей драмы. Развитие психоанализа сделало возможным придание большего веса другим его особенностям. Во-первых, миф, благодаря своей повествовательной форме, связывает различные компоненты истории аналогично тому, как фиксирует элементы научная дедуктивная система путем их включения в систему: это похоже на фиксирование элементов, происходящее при последовательных алгебраических вычислениях. Ни один элемент (в том числе сексуального характера) невозможно понять вне его связи с другими элементами; например, с той неизбежностью, с какой Эдип в поисках ответа идет на преступление, несмотря на предупреждение Тиресия. В результате невозможно изолировать сексуальный или любой другой компонент, не исказив его. Сексуальность в эдиповой ситуации обладает качеством[1], которое может быть описано лишь в рамках тех смыслов, которые приобретаются ею при включении в историю. Если этот компонент удалить из истории, то он утратит это свое качество, пока смысл не будет зафиксирован оговоркой о том, что «сексуальность» является термином, используемым для обозначения сексуальности в том ее виде, в каком

---

1 Этот момент станет более понятен при обсуждении использования идеоторного содержания утверждения в качестве средства выражения чувства. См. гл. 19.

она проявляет себя в контексте мифа. То же верно и для других элементов, к которым применима абстракция из мифа[1]. Поскольку я стремлюсь прояснить элементы психоанализа, я должен рассматривать всю цепь причинности (в том виде, в каком она предстает в мифе) в качестве элемента, который мы можем считать требующим абстрагирования; во всем же остальном он должен подчиняться функции, связывающей все элементы и наделяющей их определенным психическим качеством. В связи с этим элементы претерпевают изменения, аналогичные изменениям, происходящим с буквами алфавита, когда они объединяются вместе и образуют некоторое слово. Объединение элементов в истории аналогично объединению гипотез в научной дедуктивной системе.

Цепь причин необходима, чтобы описать систему морали, интегральной частью которой она является. Загадка, традиционно приписываемая Сфинксу, является выражением интереса человека к самому себе. Самопознание или присущий личности интерес к личности является неотъемлемой чертой повествования: психоаналитическое исследование уходит таким образом корнями в почтенную старину. Любопытство имеет одинаковый статус и в мифе о Райском саде, и в мифе о Вавилонской башне, а именно статус греха. В тексте истории я выделяю только элементы, вносящие вклад в связывание ее компонент друг с другом:

1 Предсказание Дельфийского Оракула.
2 Предупреждение Тиресия, ослепленного за то, что напал на увиденных им совокупляющихся змей.
3 Загадка Сфинкса.
4 Проступок Эдипа, высокомерно упорствовавшего в поиске ответа и ставшего виновным в кровосмешении (hybris).

К этому добавляется серия несчастий:

5 Чума, поразившая народ Фив.
6 Самоубийство Сфинкса и Иокасты.
7 Ослепление и изгнание Эдипа.
8 Смерть Царя.

1 В частности, любопытство (**K**-связь).

Заслуживает внимания следующее:

9 Изначальный вопрос ставится монстром, то есть объектом, воплощающим в себе несколько несоответствующих друг другу черт.

Этим я завершаю свой краткий обзор мифа об Эдипе в свете психоаналитической теории. Далее я перейду к вопросу о том, в какой мере имеет смысл рассматривать миф об Эдипе как важный компонент содержания человеческой психики.

Глава 11

Рассматривая миф об Эдипе как часть содержания психики, наталкиваешься на обычные для начального этапа трудности. Типичным примером первой трудности является использование в данном контексте оборота речи, подразумевающего модель контейнера. Вторая проблема, характерная для мифа, состоит в том, что описываемые ниже элементы могут быть отнесены к нескольким осям таблицы.

1 Предсказание оракула задает тему повествования и может рассматриваться как определение или определяющая гипотеза. Оно похоже на преконцепцию или алгебраическое выражение тем, что, подобно «ненасыщенному элементу», по ходу повествования «насыщается», или выступает как «неизвестная» в математическом смысле, которой «удовлетворяет» рассказ. В повествовании раскрывается тема преступника, находящегося в розыске.
2 История о Тиресии может рассматриваться как обозначение заведомо ложной гипотезы, защищающей от тревоги, которую вызвала бы любая другая гипотеза или теория на месте данной.
3 Можно сказать, что миф как таковой фиксирует реализацию и, значит, выполняет функцию, которую Фрейд приписывал обозначению.

4 Сфинкс пробуждает любопытство и угрожает смертью за неудовлетворение этого чувства. Он может олицетворять собой ту функцию, которую Фрейд приписывал вниманию, однако любопытство, возбуждаемое Сфинксом, несет в себе угрозу.
5 Эдип – это триумф любознательности, которую не может остановить даже страх, и поэтому он может символизировать научную интеграцию, инструмент познания.

Может показаться, что я подгоняю миф под свои преконцепции, однако для того, чтобы увидеть эти смысловые оттенки, не нужно быть слишком изобретательным. То, как используется миф в классическом психоанализе, проясняет природу **L**- и **H**-связей, но в равной мере психоанализ освещает также и **K**-связь. То, что некоторые особенности мифа можно использовать как символическое представление механизмов мышления, означает для меня, что эдипову ситуацию некорректно рассматривать как часть *содержания* психики. Я предлагаю оставить сейчас обсуждение представления о психике как об обладающей содержанием и вернуться к этому вопросу позже, когда я буду рассматривать миф об Эдипе с точки зрения функции преконцепции, которую он выполняет[1].

Обратимся теперь к клиническому опыту, когда аналитик и анализант говорят на одном языке, во многом друг с другом согласны, но при этом их не связывает ничего, кроме физического факта продолжительного присутствия на сессиях. Прогресс в анализе обнаруживает расхождение, которое я свожу к следующему.

Аналитик ситает, что он находится в терапевтическом кабинете и осуществляет анализ (и это так и есть). Пациент рассматривает этот же самый факт – свое пребывание в анализе – как опыт, в котором он получает сырой материал, воплощающий в реальность сон наяву (day dream). Таким образом, наделенный реальностью сон наяву оказывается

---

1 См. ниже гл. 15 до конца и гл. 19, посвященные функции мифа об Эдипе как врожденной преконцепции, которая должна соединиться с реализацией родительских отношений.

чем-то, что дает пациенту возможность интуитивно, то есть без какого-либо анализа, увидеть свои трудности, поразить и порадовать аналитика своей сообразительностью и дружелюбием. В ответ на слова пациента аналитик предполагает, что пациент видел сон. Но пациент в это НЕ верит. Сновидение, чрезвычайно сильное эмоциональное переживание, воспринимается пациентом как прямое изложение фактов пугающей действительности[1]. Он ожидает, что аналитик, работая с этим рассказом как с требующим интерпретации сновидением, придаст сну наяву реальность всего лишь сна. Короче говоря, пациент мобилизует свои ресурсы (в том числе факты анализа), стремясь не допустить мысли о том, что сновидение не только было, но и является частью реальности: он полагает, что реальность (в понимании аналитика) – это что-то, что относится лишь к элементам, отрицающим «сон».

Я не предлагаю новую теорию сновидений – я описываю состояние, наблюдаемое у пациентов, страдающих серьезными нарушениями, по-видимому, весьма обычное и часто повторяющееся. «Сновидение» – вне зависимости от того, верно оно отнесено к категории снов или нет, – является чем-то, что может возникнуть на сессии в форме галлюцинации, если у пациента ослаблена способность грезить.

В этом случае остается незамеченной одна примечательная особенность описываемой ситуации – степень согласия между аналитиком и пациентом относительно фактов. Согласие с фактами аналогично согласию, которого могут достичь два человека в вопросе расположения линий, света и тени на рисунке, способ восприятия которого может меняться – один видит вазу, тогда как другой видит два профиля. Но в чем оба человека согласны друг с другом?

В примере с обращаемой перспективой можно предположить, что актуальное зрительное впечатление – это и есть тот самый факт и что различия лежат в области преконцепций. Этот пример может верно представлять ситуацию пациента, но в каждом конкретном клиническом наблюдении случая,

1 О табличной категоризации этого явления см. обсуждение последнего варианта приложения таблицы к чувствам: гл. 19.

где возникают подобные явления, этот вопрос должен уточняться отдельно. Я предпочитаю не выводить общего правила. Принципиально то, что именно клиническое наблюдение должно определить, в чем пересекаются взгляды аналитика и пациента.

Важно, что само наличие согласия между аналитиком и пациентом является очевидным и наглядным фактом, в то время как разногласия (которые могут быть такими же выдающимися) отнюдь не очевидны. Все дело в том, что факты, по которым достигнуто согласие, пациент использует с целью отрицания того, что его убеждение тоже является фактом. Поэтому конфликт между взглядом, общим для пациента и аналитика, с одной стороны, и собственной точкой зрения пациента – с другой, заключается не в конфликте между разными группами идей (как при неврозах), а является конфликтом между **K** и минус **K** (**–K**), или, выражаясь более образно, между Тиресием и Эдипом, но не между Эдипом и Лаем.

Исходя из здравого смысла, можно сказать, что психическое развитие предполагает увеличение способности понимать реальность и уменьшение обструктивной силы иллюзий. В психоанализе выявление архаических фантазий и их модифицирование, благодаря приведению в соответствие той или иной изощренной теории (устойчивой к восприятию и интеграции последующего опыта), рассматривается как терапевтическое по своему действию. Данное предположение не является достоверным, и рассматривать его необходимо при терпимом отношении к формированию смысла. Возможно ли найти такое описание, научную строгость которого удается соблюсти без такого терпимого отношения? От ответа на этот вопрос зависит, удастся или нет остановить процесс психической или личностной деградации в медицинском смысле. Первая задача – поиск путей повышения научной строгости за счет выяснения природы минус **K** (**–K**), минус **L** (**–L**) и минус **H** (**–H**). Я начну с рассмотрения механизмов мышления. Я не буду рассматривать дальше механизм ♀♂, так как не хочу добавлять что-либо еще к тому, что я уже сказал о взаимном оголении (denudation) компонент. Механизм

PS↔D ненадолго можно оставить: вместо интеракции, включающей рассеивание частиц, сопровождающееся чувством преследования (глава 8), и интеграции, сопровождающейся депрессией, мы имеем дело с дезинтеграцией (**–PS↔D**), полной дезориентацией и депрессивным ступором *или* интенсивным столкновением и разрушительной, парализующей жестокостью. Хотя такое описание –♀♂ и **–PS↔D** является неполным, его, тем не менее, можно использовать, пока не появится новый опыт. Теперь необходимо рассмотреть суть механизма, который я связал с обращаемой перспективой.

С клинической точки зрения представленная картина является необычайно сложной. Сомнений в тяжести расстройства пациента, как правило, не возникает, однако даже пациент часто затрудняется сказать, зачем ему анализ. Кроме того, вначале можно легко переоценить степень серьезности нарушения. Но вскоре, с потерей контакта между аналитиком и пациентом, наряду с потерей признаков обычного конфликта, картина начинает прорисовываться более определенно. Есть основания полагать, что пациент стал жертвой чрезвычайно сильных эмоциональных переживаний: аналитик, как правило, исходит из самоотчета пациента как единственного свидетельства. Если такого рода события произошли на сессии, то пациент, несомненно, легко «объясняет» происходящее. Объяснение это часто укладывается в представления, которые успешно маскируют реальную природу переживаний. Если пациент уже находится в процессе анализа какое-то время, то эти представления порождают интерпретацию, в которой используется та самая терминология, которую пациент научился ожидать от аналитика, – так поддерживается область «согласия». В результате между аналитиком и пациентом возникает то, что в другом месте[1] я назвал контактным барьером. Возможно ли из механизмов, вовлеченных в такого рода поведение, собрать какой-то материал, который прольет свет на минус-явления (**–L**, **–H** и **–K**) и в связи с этим – на проблему выделения элементов психоанализа?

---

1 Bion W. R. *Learning from Experience*. Heinemann.

Глава 12

Модель обращаемой перспективы в приложении к психоанализу раскрывает сложную ситуацию. Пациент улавливает нотку удовлетворения в голосе аналитика и отвечает унылым тоном. (Что именно было сказано – не важно в рамках рассматриваемой нами темы.) Пациент улавливает оттенок поучения в интерпретации: его ответная реакция важна, так как представляет собой скрытый отпор морализаторству. Именно так один человек упорно видит два лица, а другой – вазу, но в области чувственных впечатлений имеет место полное согласие. Интерпретация принимается, но при этом исходные посылки отвергаются и молчаливо заменяются на другие.

Любая интерпретация подразумевает важное предположение, что аналитик – это аналитик. Это допущение может молчаливо отрицаться пациентом. Хотя может казаться, что он принимает интерпретацию, но силу ее он отрицает, исходя из другого допущения. Последующие ассоциации могут показать, в чем состоит *его* допущение.

Таким образом, спор между анализантом и аналитиком остается бессловесным[1],– кажется, что слова аналитика

1 Распознать такую ситуацию аналитик может, если он использует таблицу для категоризации интерпретаций и вызываемых ими ответных реакций, и после этого сравнит отношения табличных категорий друг с другом. См. гл. 20.

принимаются обоими участниками анализа, но… они не важны. Конфликт таким образом остается за рамками обсуждения, поскольку он принадлежит области, которая не рассматривается как проблема, существующая между аналитиком и анализантом. Предположение, что аналитик является аналитиком, а анализант – анализантом справедливо во всех случаях, но только не в сфере разногласий, которая молчаливо пропускается.

Допустим, что в анализе пациент и аналитик пришли к взаимному согласию. Но чем обусловлено это согласие? Тем ли, что утверждение стало более ясным, или пациент просто послушно с ним согласился? Форма согласия может показать, что (с точки зрения пациента) значимыми в интерпретации являются исходные посылки аналитика – его фальшивые посылки. Суть фальши не раскрывается: она скрыта в подтексте – посылки таковы, что побуждают человека видеть два профиля, когда он с равным основанием может видеть вазу.

Несходство точек зрения на то, что является значимым в известных фактах, отличается от описываемых мною явлений; в данном случае это различие очевидно и касается фактов. При «обращаемой перспективе» разногласия между аналитиком и анализантом становятся явными только тогда, когда анализант оказывается захвачен бессознательным: возникает пауза, во время которой он реорганизуется.

Эта пауза может выглядеть неотличимой от той, что делает невротический пациент при усвоении интерпретации, которую он услышал. Я сомневаюсь, что истинную природу этой паузы можно понять благодаря клиническому наблюдению; возможность выявлять их всегда зависит от длительного опыта восприятия пауз пациента и открытия (скорее позже, чем раньше), что через много месяцев явно успешного анализа пациент приобрел более широкое представление о теориях аналитика, но при этом не имел ни одного инсайта. Пауза была использована не для более полного усвоения возможных способов использования интерпретации, а скорее для того, чтобы принять точку зрения (не показывая это аналитику),

с которой интерпретация аналитика хотя вербально не изменилась и не была подвергнута сомнению, но получила иной смысл – отличный от того, что хотел передать аналитик. Возможность возникновения инсайта зависит от того, в какой степени пациент готов осмыслить интерпретацию с тем, чтобы изменить свою точку зрения. Такое неверное истолкование отличается от обычного действия сопротивления; пациент будет часто использовать неопределенность слов или интонаций аналитика, чтобы придать его интерпретации такой уклон, которого аналитик не подразумевал. Разницу трудно заметить, потому что пациент, обращающий перспективу, довольно часто использует обычные формы неверного истолкования, чтобы затушевать более важное обстоятельство. Он будет приветствовать интерпретации таких неверных толкований, если в них подчеркивается аспект преднамеренности, – тогда можно надеяться, что затруднение пациента находится под контролем сознания.

Далее следует пример из анализа способного мужчины, общение с которым из сессии в сессию производило впечатление дружелюбного и содержательного сотрудничества, – если его ответные реакции не исследовались слишком дотошно. «Мой секретарь, – сказал он, – очень жалуется на свою жену: он говорит, что она не понимает его. Он говорит, что она постоянно упрекает его; резко критикует и враждебна из-за отсутствия понимания с его стороны, из-за его неспособности любить и тому подобного…» В контексте этого и сходных сообщений, появлявшихся в процессе его анализа, имелась очевидная возможность обсуждать разнообразные трансферентные явления. Исходя из восприятия анализа пациентом, из его несомненных способностей и восприимчивости, можно было предположить, что он обратится к трансферентным отношениям со своим секретарем и сможет понять, о каких чувствах ко мне сообщает этот материал. В некоторых случаях его манера сообщать ассоциации вызывала у меня подозрение, что описываемые эпизоды могли быть им сфабрикованы, чтобы проиллюстрировать теорию переноса, которую он усвоил в ходе анализа.

Я предлагал интерпретации этого и других сообщений – все, как я надеялся, уместные и убедительно подтверждавшиеся контекстом. Он реагировал по-разному: реакции разнились от почти оцепенения и молчания до безразличного согласия, за которым следовал дальнейший материал – дальнейшие «свободные ассоциации». Иногда он мог сказать, что «думал», пока молчал, «о том, что Вы сказали». Иногда он мог не соглашаться с интерпретацией или с каким-то ее аспектом, а затем, стараясь придти к решению, мог изменить свое мнение и признать, что, возможно, хотя и не безусловно, я прав. В других случаях, когда мне казалось, что интерпретация, несомненно, должна быть ему известна, он мог вежливо согласиться с ней, словно с клише, которое вряд ли могло сколько-нибудь всколыхнуть его мысли. Так и было, пока я не допустил, что такого рода заявления он делал потому, что отмечаемые им эпизоды были настолько непостижимы, что реакции его были призваны доказать, что они действительно имели место. Такая явная неспособность к пониманию бросилась бы в глаза в любое время, но в случае человека, имевшего столь длительный опыт анализа, она казалась маловероятной. Ее невозможно было объяснить отсутствием ума, недостаточной восприимчивостью, нехваткой опыта или моей неспособностью анализировать; почти все примеры, которые он приводил, могли служить иллюстрациями психоаналитических теорий.

Это последнее свойство подобных коммуникаций в данном контексте является особенно загадочным: если пациент неискушен в психоанализе, то как объяснить столь явное соответствие отбираемых им свидетельств психоаналитическим принципам? Если же обоснованность выбора признается, то как можно объяснить неудачу в понимании?

Я исключаю предположение о намеренном, сознательном или полусознательном отрицании аналитической работы. Мое обоснование, о котором я скажу несколько позже, связано с признанием боли. После того как интерпретация обозначила реальную неспособность пациента к пониманию, появилось достаточно свидетельств серьезности его страдания.

В каждом случае точка зрения эдиповой теории позволяла мне, но не пациенту, ухватывать смысл его ассоциаций. Миф об Эдипе фигурировал в каждом случае и явно побуждал пациента обращать перспективу. Я говорю «миф», а не «теория», потому что между ними имеется различие: эдипова теория и ее различные формулировки относятся к области **F4**, **G4**, **F5**, **G5** таблицы. Миф принадлежит области **C**.

Способность пациента изучать, но не использовать теории представляет собой сбой процесса установления соответствия между пре-концепциями и соответствующими им реализациями. Ненасыщенный элемент остается ненасыщенным.

Мелани Кляйн описала ситуацию, в которой личность атаковала свой объект с такой силой, что ежеминутно фрагментируемым воспринимался не только он, но и сама личность тоже. В описанной мной ситуации, по-видимому, должно было отсутствовать динамическое расщепление. Как будто расщепление, действие которого стало постоянным, больше не требует процессов, происходящих при взаимодействии с реальностью, когда оно заменяет собой галлюцинирование. Пациенту больше не нужно возражать аналитику или переживать внутри себя эдиповы конфликты: он обращает перспективу. Смысл сказанного важно рассмотреть более внимательно[1].

Обращаемая перспектива – это не то же самое, что вынесение β-элементов вовне. Это активный процесс, и поведение пациента в анализе полностью согласуется с теорией, согласно которой он предпринимает действия по «освобождению психики от добавочных стимулов», описанные Фрейдом[2]. Я могу лишь сказать, что пациент считал интерпретации аналитика свидетельством того, что он, пациент, вынес β-элементы вовне, – это состояние сознания, больше похожее на галлюцинирование, чем на иллюзию. Поиск элементов подразумевает дальнейшее изучение страдания, обращаемой перспективы и мифа об Эдипе.

---

1 «Статическое» расщепление и сбой процесса соотнесения преконцепции с реализацией станут более понятны после обсуждения, представленного в первой половине главы 19.

2 Фрейд З. *Два принципа психического функционирования.*

Глава 13

Обращаемая перспектива вызывает явную боль; пациент обращает перспективу, и динамичная ситуация становится статичной. Работа аналитика направлена на то, чтобы вернуть динамизм статической ситуации и тем самым сделать возможным развитие. В предыдущей главе говорилось о том, к каким ухищрениям прибегает пациент, чтобы принять интерпретации аналитика; в результате эти интерпретации становятся внешним признаком статической ситуации. Поскольку интерпретации аналитика вряд ли этому способствуют, а ум пациента не настолько искусен, чтобы всякий раз противопоставлять интерпретации уловку, переворачивающую исходно заложенный смысл, то пациент задействует арсенал средств, подкрепляемых бредом и галлюцинациями. Если сразу не удается обратить перспективу, то за счет ослышек и недопонимания он может так настроить свое восприятие фактов, что они начнут рассматриваться статически: бред ступит в свои права.

Если для сохранения статической ситуации этих мер оказывается недостаточно, то пациент переходит к галлюцинации. Простоты ради об этом можно сказать так: галлюцинация используется с целью сохранения (на время) способности обращать перспективу; а обращаемая перспектива – ради сохранения статической галлюцинации.

Таким образом, продолжительная задержка на обращаемой перспективе сопровождается бредом и галлюцинациями, которые трудно обнаружить из-за того, что они одновременно статичны и исчезают из вида. Более того, поскольку цель их использования – сопроводить утверждения аналитика (интерпретации) открытым проявлением согласия и не допустить изменений, постольку истинный смысл поведения пациента, свидетельствующий о бреде и галлюцинации, остается не выявленным до тех пор, пока сам аналитик не допустит такой возможности. Высказываемые аналитиком мысли лежат в области **F5**, **G5** и **G6**, однако пациентом эти же самые утверждения воспринимаются уже как выражение мыслей, относящихся к **F1**, **G1**, **G2**.

Таким образом, протекающий в подобной форме анализ не может считаться удовлетворительным, поскольку реальный прогресс оказывается очень медленным, а анализ выглядит монотонным, неинтересным и скучным. Такая ситуация на самом деле очень нестабильна и опасна. Ключевым является факт, отмеченный мной в начале этой главы, – боль. Кажется, что маневры пациента лишены цели. Хотя готовность, с которой пациент принимает интерпретации, и вызывает подозрения, нет явных свидетельств того, что эти маневры направлены против изменений (*любых* изменений) и боли. Реакции уклонения обусловлены динамическим качеством интерпретации. Можно сказать, что недостаток интерпретации в том, что, *каким бы ни было* ее содержание, сохраняются качества, соответствующие столбцам **5** и **6** таблицы.

Обращение к таблице побуждает предположить, что когда пациент пытается сместить все **I** к столбцам **1** и **2** (и, возможно, **3**), то он должен стремиться делать то же самое и со своими собственными **I**-феноменами. Фактически дело обстоит именно так, и это помогает объяснить некоторые особенности сновидений, пре-концепций и теорий пациента.

Из этих рассуждений следует, что необходимо снижать интенсивность страданий и угрозы, которую они представляют для интеграции психики. Поэтому страдание я буду считать одним из элементов психоанализа.

Личность невозможно избавить от боли. Анализ должен быть болезненным, но не в силу важности боли как таковой, а потому, что анализ, в котором боль не замечается и не обсуждается, нельзя считать затрагивающим одно из центральных оснований существования пациента. Значение боли может принижаться, если ее рассматривать как вторичное качество, как нечто, что должно исчезнуть после разрешения конфликтов; в конце концов, такого взгляда придерживается большинство пациентов. Более того, этот взгляд подкрепляется тем фактом, что успешный анализ, действительно, приводит к уменьшению страдания; тем не менее, подобная точка зрения скрывает необходимость (в одних случаях более очевидную, чем в других) того, чтобы аналитик пытался развить у пациента *способность* страдать, даже несмотря на их взаимную надежду облегчить боль как таковую. В данном случае очень подходит аналогия с соматической медициной – устранение способности испытывать физическую боль будет иметь катастрофические последствия в любой ситуации, где нет угрозы еще большей беды, то есть смерти.

Если в случае обращаемой перспективы аналитик примет во внимание возможное нарушение способности испытывать боль, это может помочь ему избежать ошибок, способных привести к катастрофе. Если проблема не прорабатывается, то способность пациента сохранять ситуацию статической может открыть путь переживанию настолько интенсивной боли, что это приведет к психотическому срыву.

Признание того, что боль является элементом психоанализа, подкрепляется тем, какую роль она играет в теориях Фрейда, построенных на основе принципа удовольствия–неудовольствия. Очевидно, что преобладание принципа реальности и, в конечном счете, его утверждение оказывается под ударом, если пациент изворачивается ради, скорее, избегания, чем модифицирования боли; кроме того, модифицирование оказывается под угрозой, если у пациента нарушена способность испытывать боль. В своей работе *Научение через опыт переживания* я рассмотрел отношения, в которых

устанавливается принцип реальности, говорить об этом что-то еще в этом месте будет излишним.

Боль нельзя считать надежным индикатором патологических процессов отчасти в силу связи ее с развитием (эту связь можно усмотреть в распространенной фразе «страдания взрослят»), а также по причине того, что интенсивность страдания не всегда пропорциональна тяжести расстройства. Степень и важность боли зависят от связи ее с другими элементами.

При рассмотрении обращаемой перспективы как средства устранения боли неявно подразумевается понятие развития. Восприятие объектом развития или объектом, стимулирующим развитие, явлений, связанных с ростом, сталкивается с особыми трудностями, поскольку их отношения с предшествующими явлениями скрыты и разнесены во времени[1]. Сложность их обнаружения вносит свой вклад в тревогу, связанную с получением «результатов», например, от анализа. Необходимо проследить связь этих явлений с **PS↔D** и ♀♂. Их зависимость от способности поддерживать социальные и нарциссические составляющие эдиповой ситуации предполагает дальнейшее рассмотрение мифа об Эдипе, мифа о Вавилоне (Книга Бытия, XI: 1–9) и раннего варианта мифа об Эдеме (Книга Бытия, II: 8–3 в разных местах). Примитивными моделями психического развития являются Древо познания, Вавилонская башня и сам город Вавилон, а также Сфинкс. Мифы (строка **C** таблицы) дают сжатое описание психоаналитических теорий, которые аналитик может использовать как для выявления признаков развития, так и для получения интерпретаций, призванных осветить аспекты проблем, связанных с развитием пациента.

---

1 Одно из преимуществ ссылок на таблицу связано с тем, что табличная категоризация реакций пациента на интерпретации должна способствовать развитию.

Глава 14

В главе 3 я говорил о личном мифе как о важном инструменте психоаналитической работы. В главах 11 и 12 я подчеркнул такую же важность мифа об Эдипе, поскольку, помимо личностного, этот миф имеет также общественный и расовый статус. Переход от личного к расовому мифу имеет те же преимущества, что и переход от личного общения к публичному[1].

Миф об Эдипе будет по-разному читаться разными людьми, но определенная доля согласия делает миф каналом публичного общения. На это указывает пример использования этого мифа Фрейдом. Я буду использовать мифы о Райском саде и о Вавилонской башне, чтобы подкрепить идею, уже подразумевавшуюся образом Сфинкса в мифе об Эдипе – враждебное неприятие божеством стремления человека к познанию. Этот поиск воспринимается как угроза величию.

В возделанном Отцом саду Эдема запрещено есть с Древа Познания добра и зла. Змей, или перевоплотившийся Сатана, соблазняет женщину нарушить запрет Всемогущего. Выражение неповиновения связано с грехом и наготой. Как и в мифе

---

1 Ср.: *Scientific Explanation* – R. B. Braithwaite, p. 6, и его ссылку на Генриха Герца на с. 91.

об Эдипе, итогом стало изгнание. В мифе о Вавилоне башня использовалась, чтобы ступить в принадлежащее Яхве пространство – небо. Итог – изгнание (как и в мифах о Райском саде и Эдипе), но этому предшествует важное событие – разрушение единого языка и создание путаницы, такой, что совместная деятельность становится невозможной.

Используемые мной компоненты этих мифов дают пиктографическое представление (в том смысле, в каком мы создаем для себя внутренние картины или символы) тех черт, которые могут являться искомыми психоаналитическими элементами.

1 Есть бог или фатум, всевышний и всемогущий, хотя и представленный антропоморфической моделью. Этот бог принадлежит системе морали и враждебно встречает стремление человечества к познанию, даже к познанию норм морали.
2 Любое вторжение, поглощение или изгнание отчетливо предполагает существование блаженного места или состояния. Выдающейся чертой найденного и запрещенного знания являются постижение сексуальности и удовольствия.
3 В мифах об Эдеме и Эдипе стимулируются запретные желания – змей возбуждает желание съесть фрукт; Эдип инициирует поиск преступника; в мифе о Вавилоне появляется важная особенность – люди, шедшие вместе, рассеиваются, общий для всех язык распадается на множество языков. Сфинкс пробуждает любопытство с помощью загадок. Используя эти мифы как основу для формирования представления об элементах горизонтальной оси таблицы, о столбце **1** можно сказать, что функция определения – это Оракул, а цели выражены фразой: «Давайте построим город и башню». Вытесняющая сила, выраженная формулой в столбце **2**, представлена Тиресием или богом, судьбу которого он воплощает. Столбец действия **6** репрезентируется исходом, изгнанием или рассеиванием.

Я не стремлюсь установить точное соответствие; в главе 11 я предположил, что эти мифы выступают в роли примитивного выражения сложных формулировок, использование которых в научной работе я представил горизонтальной осью таблицы. Они жизнеспособны в силу своей примитивности и образности, но лишены строгости,– отсюда потребность науки в сложных формулах. Таким образом, чем строже будет выглядеть устанавливаемое соответствие между горизонтальной осью и элементами мифа, тем больше оно будет скрывать истинную природу мифа. Равно ошибочно полагать, что данное соответствие принижает роль мифа как инструмента поиска факта. Я хочу вернуть мифу его место среди наших методов, чтобы он вновь обрел свою прежнюю, исторически сложившуюся роль (благодаря этому Фрейдом был открыт психоанализ). Именно поэтому я заговорил о мифе в главе 3. Кроме того, в психоанализе миф является объектом исследования, выступая в качестве одного из примитивных аппаратов индивидуального арсенала средств научения.

Если миф об Эдипе, помимо той роли, которую он уже играет в аналитической теории, будет восприниматься как неотъемлемая часть аппарата научения, характерного для ранних стадий развития, тогда элементы, наблюдаемые в осколках дезинтегрированного Эго, снова обретут свою значимость.

В некоторых случаях очень тяжелых расстройств пациент, согласно Мелани Кляйн, атакует свой объект с такой яростью, что его личность тоже испытывает на себе последствия этого нападения. Дезинтеграция характерна для пациентов, которые не в состоянии выносить реальность, и по этой причине они разрушают аппарат, дающий им возможность осознавать свое состояние. Личный миф, если он согласуется с мифом об Эдипе, позволяет пациенту понять отношения с родителями. В случае, если этот личный миф с его познавательной функцией поврежден или сформировался неправильно либо подвергся слишком сильному стрессу, он дезинтегрируется; миф распадается на составляющие, и пациент остается без средств, обеспечивающих

понимание родительских отношений и встраивание в них. В этих условиях осколки Эдипа[1] будут нести в себе элементы, составляющие миф, который должен был бы выполнять роль пре-концепции. Как осознать эти разрозненные компоненты дезинтегрированного Эго? В данном случае распознать фрагменты имеющегося у пациента аппарата научения может аналитик, стремящийся их прояснить и обращающий внимание на изолированные[2] фрагменты мифа об Эдипе (а также мифов, которые я связал с данным).

Роль личного мифа в попытках индивидуума обучаться через опыт аналогична той, которую в развитии групп играют общественные мифы, выступающие в качестве систем обозначения и фиксации (записи). Убедительность мифу может придать лишь клинический опыт, в котором проявляется материал, похожий на эдиповы составляющие, которые, будучи разбросанными, стремятся восстановиться в памяти. Надо полагать, что миф проявится специфическим образом. За объединением разрозненных фрагментов следует процесс **PS↔D**, описанный мной в начале главы 10. Слова пациента и поведение, с ними связанное, варьируются от чего-то несогласованного и бессмысленного до высказываний, которые, кажется, непонятно как комментировать, и иногда даже сами содержат в себе комментарий, к которому подталкивают.

Поиск элементов психоанализа ограничен этим их аспектом, распознать который – задача психоаналитика. Их невозможно репрезентировать ни абстрактными знаками вроде предложенных мной, ни мифологическими повествованиями, вызывающими зрительные образы, так чтобы любой не подготовленный психоаналитически и не практикующий психоанализ человек мог распознать реализацию, которой соответствует эта репрезентацию. Я надеюсь, что показанное в этой главе соответствие между мифом и элементами

1 Автор обозначает миф от Эдипе именем героя. – *Прим. пер.*

2 Такие фрагменты выглядят (особенно в психотическом материале) очень рассредоточенными по аналитическому времени. Одна из задач интерпретации состоит в том, чтобы продемонстрировать связанность этих разнесенных во времени фрагментов.

горизонтальной оси таблицы, поможет аналитикам, привыкшим работать с пациентами в парадигме, предлагаемой психоаналитической эдиповой теорией, легче перенести свои теоретические основания на феномены, возникающие в терапевтическом кабинете. Пропасть остается, и преодолеть ее помогает подготовка и практический опыт, а также до какой-то степени – интерполяция понятия «эдиповы составляющие» на события в терапевтическом кабинете, описанные живо и точно. Чтобы так представлять явления, необходимы писательские способности, и описания эти будут содержать в себе массу подробностей, что подходит, скорее, для изложения коротких и относительно нечастых эпизодов анализа.

Хотя я ставлю своей целью выделение элементов реальности психоаналитической практики, а не теории, я должен представлять их знаками и мифами, относящимися к области репрезентации абстракций и высокоуровневых гипотез научной дедуктивной системы. Но мы не должны упускать из виду тот факт, что любой знак репрезентирует явления, переживаемые психоаналитиком в ходе аналитических сессий. Знаки, выбранные для репрезентации элементов, должны помогать в проработке и обдумывании опыта анализа.

Глава 15

В этой главе я подвергаю пересмотру понятие переноса. Элементы переноса содержатся в таких аспектах поведения пациента, которые выдают его мысли о присутствии объекта, отличного от него самого. Ни один аспект поведения не следует игнорировать, должна быть оценена его связь с центральным фактом. Приязненное или пренебрежительное замечание о кушетке, или мебели, или о погоде – все должно рассматриваться с точки зрения тех аспектов, которые связаны с присутствием объекта, отличного от самого пациента; факты должны пересматриваться заново каждую сессию, и ничто не следует принимать на веру, поскольку то, в каком порядке проявляются аспекты психики пациента, не определяется тем, сколько времени продолжается анализ. Например, пациент может думать об аналитике как о человеке, которого можно использовать как вещь; или как вещь, к которой он относится анимистически. Если **Ψ (ξ)** обозначает психическое состояние аналитика визави с анализантом, то именно ненасыщенный элемент **(ξ)** будет иметь важность на каждой сессии.

Своеобразие психоаналитической сессии – это именно тот аспект, который делает ее психоаналитической и никакой другой, и состоит этот аспект в том, что для прояснения **K**-отношений аналитик использует весь материал. Интерпретация

переноса должна быть доскональной и относится ко всему материалу без исключения, но при этом очень избирательной в оценке его важности. Пациент передает информацию, важную с точки зрения его собственных критериев; аналитик ограничивается интерпретациями, выражающими **K**-отношения с пациентом. Они не должны быть выражением **L** или **H**.

Как правило, от аналитика не требуется сознательно размышлять о природе простых утверждений. Но если он хочет проделать некоторую «домашнюю работу» (назовем это внеаналитической медитацией) над сессией – для тренировки, или чтобы применить свои интуитивные и дедуктивные способности, или в силу некоторых сомнений относительно качества проделанной работы, – то он может соотнести этот вызывающий сомнения материал с таблицей. Предположим, пациент сказал: «Я знаю, что Вы меня ненавидите». Размышления аналитика могут принять следующую форму: очевидно, грамматически и семантически фраза очень прямолинейна, но нужно исследовать ее критически, чтобы определить, какие категории таблицы здесь задействованы.

Контекст утверждения, взятый вместе с **(ξ)** элементом **Ψ (ξ)**, представляющим психическое состояние пациента, может увеличить вероятность того, что значимым для пациента станет скрытое испускание газов: в данном случае аналитик должен учесть возможность того, что этот элемент является β-элементом, относящимся к строке **A**.

В ходе сессии может стать ясно, что фраза относится к сновидению, виденному пациентом, или к какой-то части фантазии. В этом случае фраза будет относиться к строке **B** или **C**.

В каком-то другом контексте об этой фразе может оказаться более уместно думать как о пре-концепции и в силу этого относить ее к классу, представленному строкой **D**.

Тем не менее, предположим, что утверждение последовало за критической интерпретацией, которую пациент мог воспринять как проявление ненависти: фразу можно было бы рассматривать (с точки зрения пациента) как связь пре-концепции с реализацией.

В этом случае фразу пациента нельзя отнести к строке **H**, правильней было бы связать ее со строкой **G**, но тогда аналитику необходимо представить ряд сопутствующих обстоятельств, которые привели его к предположению о том, что фраза являлась выражением твердой, жестко фиксированной идеи.

Давайте теперь рассмотрим горизонтальную ось. Столбцы на этой оси представляют функции, которые может выполнять утверждение. Утверждение может быть предсказанием оракула, объявлением темы сессии, определением, через призму которого которого должна рассматриваться оставшаяся часть сессии. Короче говоря, оно может подпадать под ту или иную категорию столбца **1**.

Если утверждение кажется относящимся к категории в столбце **2**, то это будет означать, что даже будучи неверным, оно обеспечивает пациента теорией, действующей как защитный барьер от чувств и идей, которые могли бы возникнуть на ее месте.

Если утверждение кажется относящимся к столбцам **3**, **4** или **5**, то тогда оно является пробным и может свидетельствовать о своего рода сотрудничестве в аналитическом исследовании.

Если утверждение относится к столбцу **6**, то это предупреждение об отыгрывании вовне, одной из форм которого я считаю в том числе и сам анализ. Чтобы проиллюстрировать значимость таблицы как инструмента, помогающего аналитику в размышлениях над аналитическими проблемами, то есть как описательного инструмента, предлагающего запись факта и знак, которыми можно манипулировать точно так же, как это делают математики с числами, я противопоставлю **A6** и **F6**, рассматривая значение каждой из этих категорий.

A6 означает, что утверждение «Я знаю, что Вы меня ненавидите» должно рассматриваться как β-элемент, используемый в действии. Если аналитик приходит к выводу, что утверждение подпадает под эту категорию, то это может означать только одно: сессия должна рассматриваться скорее

как отыгрывание вовне, нежели как обычная аналитический сеанс. Мышечные движения, необходимые для словесной экспрессии, должны рассматриваться как первостепенно значимые, поскольку они служат для разгрузки психики от накапливающихся стимулов. Слова указывают на то, что у пациента есть чувство (к которому он явно относится во многом так же, как нормальный человек относится к конкретным вещам), являющееся частью его личности (также воспринимаемой как конкретный объект), которую он может от себя отделить и изгнать посредством мускульных движений. В результате этих маневров он достигает такого психического состояния, в котором его уже не захлестывает ощущение, что аналитик его ненавидит. Теперь можно предположить, что он в состоянии чувствовать, что аналитик – друг.

Обратимся теперь к **F6**. Если утверждение относится именно к этой категории, то это значит, что теперь пациент убежден в том, что аналитик – враг. Более того, это подразумевает, что, благодаря принадлежности фразы к столбцу **6**, пациент уже действует или готов начать действовать в рамках этого убеждения. Аналитическое значение утверждения пациента в этих двух примерах очень разное; важно различить эти две категории и решить, к какой из них относится утверждение.

Рассмотрим утверждение «Я знаю, что Вы меня ненавидите» как если бы оно относилось к другой категории – предположим, к категории в строке **C**, поскольку пациент говорит, что ему это снилось. Или это может быть частью фантазии или сна наяву: в этом случае будут проявляться признаки зрительного образа или, возможно, мифа. На интенсивность этого элемента неизбежно влияют элементы горизонтальной оси таблицы. В результате столбцы **1–6** стремятся предстать ярко и персонифицированно – так, как я это предположил, приравняв каждый из них персонажу мифа об Эдипе. Например, если кажется, что утверждение соответствует **C6**, когда анализу угрожает срыв, он может быть связан с изгнанием, и аналитик должен предвидеть появление других элементов эдиповой ситуации. Я подчеркиваю важность осознания

того, к какой категории относится материал, поскольку это шаг к предвидению и, следовательно, распознаванию сопутствующих феноменов. Если материал подходит к категории **C5**, можно ожидать интенсификации тенденции, сопровождавшей исследование: для категории **C2** это усиление сопротивления возникновению нового материала. Обсуждение значения выраженных эмоций – «Я знаю, Вы меня *ненавидите»* – я оставлю до следующей главы.[1]

Я не говорю о размышлениях, сопровождающих реальный контакт с пациентом. Аналитическая сессия – слишком драгоценная возможность для наблюдения, чтобы подвергать ее угрозе, исходящей от предположений, подразумеваемых в моем описании; цель данной книги – облегчить размышления об аналитической работе *за рамками* сессий как таковых. Цель такой работы вне сессий – заменить творческим мышлением утомительное и часто бессмысленное собирание записей; такая практика похожа на гаммы и упражнения музыкантов, призванные отточить и развить интуицию. Становится все более возможным мгновенно приходить к решениям, которые поначалу всегда являются плодом трудных размышлений.

1 А также см. последнюю часть гл. 19, в которой я обсуждаю чувства.

Глава 16

Проблемы инстинкта и эмоций относятся к основному корпусу психоаналитической теории и должны стоять в одном ряду с элементами психоанализа, так как возникают в психоаналитической практике.

Эмоция, находящаяся в поле внимания, должна быть очевидна для аналитика, но ненаблюдаема для пациента. Доступная пациенту эмоция обычно связана с *болезненным* открытием, и поэтому упражняться в аналитической интуиции нужно, прежде всего избегая ненужной боли. Интуитивные способности аналитика должны давать ему возможность усматривать эмоцию до того, как она станет *болезненно* очевидной, – этому будет способствовать поиск элементов эмоций, направленный на упрощение интуитивных дедукций. Половой инстинкт является неотъемлемой частью психоаналитической теории, однако элемент сексуальности, поиском которого я занимаюсь, – это не сексуальность как таковая, а то, из чего ее наличие может быть выведено логически. В рамках этой моей цели термин «элемент» невозможно использовать адекватно для обозначения того, что будет проявлять себя как свойство чего-то более фундаментального, наличие чего проистекает из означаемого. Поэтому выбранный мной элемент – это не знак сексуальности, но предвестник сексуальности. Среди элементов, которые мы ищем, должен существовать

предвестник эмоции, но не сама эмоция (исключением является эмоция, которая предваряет некоторую другую эмоцию, отличную от нее самой). Таким образом, если ненависть, которую испытывает пациент, является предвестником любви, то свойство элемента будет выражаться не в том, что это ненависть, а в том, что данная эмоция является предвестником любви. И так для всех эмоций.

Могу сказать, что в сфере эмоций ситуация в общих чертах напоминает отношения между преконцепцией и концепцией.

Если интерпретации предвосхищают развитие эмоций, выявляя их предвестники, то из этого следует, что сексуальные и другие чувства нельзя рассматривать в качестве элементов. Аналогом преконцепции в этом случае является *предчувствие* (premonition). Непосредственно наблюдаемые эмоциональные состояния важны только как предчувствия.

Я определил пре-концепцию как элемент, присущий индивидууму и, возможно, неосознаваемый; то же верно и для пред-чувствия.

Чтобы не путаться в использовании термина преконцепция (который следует отличать от научной дедуктивной системы) и говорить об аналитической теории как о преконцепции аналитика, я буду использовать термин пре-концепция, чтобы отличать его от преконцепции. Пре-концепция, помещенная мною в строку **D** таблицы, – это термин, обозначающий стадию развития мышления; преконцепция, в смысле теоретических преконцепций аналитика, обозначает способ использования теории и в силу этого относится к столбцам **3** и **4**. Например, у аналитика может возникнуть подозрение, что на сессии происходит нечто такое, чего он до конца не понимает. Это состояние может быть обозначено как **D3**. По мере развития его мысли его состояние меняется, пока, наконец, он не сознает, что перед ним разворачивается эдипов материал: теперь его состояние обозначается как **G4** или **G5**. Другими словами, он полагает, что эдиповы теории Фрейда придадут смысл и направленность его пробному исследованию. Возвращаясь к роли эмоциональных драйвов, отметим,

что они сохраняют свою активность в аналитическом опыте и в том, как этот опыт проясняется; когда пациент приходит на первую консультацию, его побуждения (premotions) несут в себе информацию, которую невозможно вывести ни из каких других факторов. Эти побуждения могут привести к формированию некоторой идеи о том, чего он хочет добиться в процесе анализа.

Термин «предчувствие» в том виде, в каком я предлагаю его использовать, обозначает, скорее, эмоциональные состояния, нежели интеллектуальное содержание – для обозначения последнего оставим термин «пре-концепция». Я не отделяю слова «предчувствие» от связанного с ним ощущения угрозы и тревоги. Чувство тревоги является важным фактором, направляющим анализ на распознавание побуждений (premotions) в материале. Таким образом, предчувствие может быть обозначено как (**Тревога** (ξ)), где (ξ) – ненасыщенный элемент.

В анализе должны быть созданы условия, дающие возможность наблюдать пред-чувствия. Этот вывод согласуется с фрейдовским определением аналитической ситуации как такой, где доминирует атмосфера депривации[1]. Если аналитику не удается воспринять предчувствия, ему будет трудно предложить верную интерпретацию, а анализанту – трудно ее понять; ненужная боль, о которой я говорил, в этом случае становится более вероятной.

Различение пре-концепции и пред-чувствия облегчает создание системы для обдумывания аналитической практики; это не большая фальсификация, чем разделение, подразумеваемое при использовании терминов «половое влечение» или «страх» для отделения одной эмоции от другой. Фрейд показал, что при некоторых истерических параличах и анестезиях нарушению подвергаются *идеи* об анатомической структуре, а не нервные пути, известные анатому. Анатом может использовать уже существующее понятие руки, которое не позволит его представлениям об анатомических структурах смешаться в результате использования этого понятия в исследовании,

---

1 См. гл. 4.

которому оно не соответствует. Пациент говорит, что чувствует страх, но не знает, чего он боится. Мы тоже полагаем, что он может испытывать страх, но не половое влечение. Какая модель лежит в основе утверждения, что человек испытывает страх, источник которого ему неизвестен? Возможно, оно исходит из той модели, с которой родители связывали его образ. Можно предположить, что «чувство страха» и «понимание его причин», или «половое влечение» и «страх», – это разные вещи. Правильное лечение зависит от того, как мы представляем себе пациента, душа которого потерялась в своих чувствах. Аналогично, важно знать предпосылки, на которых мы основываем свое представление о различии между «половым влечением» и «страхом» или «чувством страха» и «пониманием его причин». Предположение о том, что пре-концепция и предчувствие различаются в данном пространстве дискурса, а также подразумеваемое существование подобия между объектами, разграниченными таким образом, приводит меня к следующему утверждению: категоризация идеоторного содержания, которой способствовала таблица, столь же важна и в случае, когда она применяется к эмоциональному опыту. Например, мы можем считать, что утверждение «Я чувствую, что Вы меня ненавидите» важно для понимания идеи, которую оно выражает. Эту идею можно затем отнести к одной из категорий таблицы. Или мы можем считать, что утверждение важно для выражения эмоции. Эмоцию (или пред-чувствие) можно затем отнести к одной из категорий таблицы. Этот вопрос будет обсуждаться более подробно после того, как мы рассмотрим проблему «чувств», поднимаемую в главе 19.

Глава 17

Саму таблицу можно категоризировать согласно ее собственным категориям. Так, горизонтальную ось можно описать как серию определений различных способов использования. Пока эта ось применяется для определения, она относится к категориям в столбце **1**. Но как таковое назначение этой оси можно считать относящимся к строке **F**. Но предположим, нам хотелось бы проверить значимость некоторых предположений, сделанных в этой книге; в таком случае горизонтальную ось можно рассматривать как пре-концепцию, для которой хотелось бы найти подходящую реализацию. В качестве объекта исследования она может подпасть под категорию установления устойчивой связи – определяющей гипотезы, в рамках которой утверждается, что некие элементы образуют устойчивые сочетания. В качестве объекта дальнейшего исследования она может использоваться как способ наделения смыслом или раскрытия всевозможных заложенных смыслов.

Я установил, что описанный способ представления в таблице горизонтальной оси с помощью абстрактных символов относится к одной из категорий строки **F**. Но, следуя заложенному в таблице предположению, я рассматриваю варианты «использования» горизонтальной оси и заменяю их персонажами, тем самым переформулируя ее

в терминах, которые должны квалифицироваться как категории строки **C**[1].

Может оказаться удобным заменить какой-то выбранный мной знак или символ, например знак Ψ для колонки **2**. Поступая таким образом, я могу заполнить строку значимыми для меня знаками и символами и за счет этого создать основу для внутренней коммуникации, то есть для коммуникации внутри себя. Вместо знака Ψ я могу использовать знак «Смит», обозначающий знакомого мне человека, важного для меня лично. Но поскольку подразумевается, что данное обсуждение должно быть публичным, я буду использовать знаки, представляющие собой символы, которые уже широко известны и соответственно поэтому более пригодны для публичной коммуникации. Добиться этого я могу, используя элементы известного аудитории мифа. С одной стороны, миф должен соответствовать символизируемому материалу, с другой стороны – культуре группы, к которой я обращаюсь. Поскольку я адресуюсь прежде всего к психоаналитикам, я должен использовать миф об Эдипе, как это было описано в главе 15, иеговистское представление (вторая глава Книги Бытия) о Творении и описание в главе XI Книги Бытия строительства Башни и города Вавилон. Два последних описания являются иеговистскими и антропоморфными, при этом последнее свойство этих мифов делает описание значимым для данного обсуждения.

Поскольку я использую миф как источник собственных символов, эта замена как таковая представляет собой искусственное[2] использование элементов, относящихся скорее к строке **C**, нежели, скажем, к строкам **G** или **H**. Я могу выбрать персонажей, соответствующих столбцам **1**, **2**, **3** и т. д., или я могу поместить весь миф в какую-либо ячейку **C1**, **C2**, **C3** и т. д., или каждый персонаж по отдельности,

---

1 Предыдущие предположения являются примерами использования таблицы для выбора способа использования понятия. Этот способ отличается от использования таблицы для идентификации уже задействованной категории психоаналитического объекта.

2 См. предыдущее примечание.

символизирующий **1–6**, может быть помещен во *все* столбцы **1–6** строки **С**. Так, Тиресий, символизирующий столбец **2**, может теперь оказаться в столбцах **1**, **3**, **4**, **5**, **6**. Отнесенный к столбцу **2**, он будет представлять собой символ, репрезентирующий идею, служащую цели отрицания более точной, но и более пугающей идеи. В этом случае он будет олицетворять собой приверженность мифу о вытесняющей силе, используя ее как вытесняющую силу.

Поскольку Тиресий – это символ использования, представляемого столбцом **2**, то может показаться, что короче и проще было бы сказать, что любое назначение, представленное столбцами **1–6**, может быть отнесено к любому другому столбцу, а также к своему собственному. Но на самом деле это не так: использование не сможет действовать как использование; **С2** не будет иметь смысла в ячейке **С2**[1]. Однако символ, обозначающий форму мышления подобно тому, как «Тиресий» обозначает сновидение, миф или модель, может, будучи отнесеным к столбцу **2**, представлять сновидение или мифологическое мышление, используемое для подавления других форм мышления, даже они сами служат подавлению. Таким образом, дедуктивная система, призванная воспрепятствовать возникновению других мыслей, сама может подавляться мечтой о мифологическом мышлении, используемом для этой цели. Тиресий или соответствующий личный символ может служить цели сдерживания научной теории, в свою очередь подавляющей мысли. Используя термины таблицы, абстрактно это можно описать следующим образом: **С2** может применяться для подавления **С2**.

Переформулирование использований (при котором мысль заменяется символами, заимствованными из мифа) дает возможность выразить их в терминах, отсылающих

1 «**С2**» представляет абстрактное утверждение. Но категория **С2** призвана вобрать в себя мысль сновидения, не осложненную утверждениями. **С2** в **С2** будет поэтому означать либо то, что **С2** (или то, что этим символом обозначается) было категоризировано ошибочно, либо, что то же самое, что **С2** только кажется научным понятием, а на самом деле является мифом.

к некоей категории строки **C**. Поэтому новая формулировка должна давать возможность подвергать переформулированное утверждение изменению или некоторому преобразованию, которое управляет переходом элементов вертикальной оси на низлежащие уровни – этот процесс описан мной как позитивное или негативное развитие. Использования, сформулированные в виде мифа (строка **C**), теперь могут постепенно утрачивать свои качества до тех пор, пока не станут аналитическими объектами, представленными β-элементами строки **A**, или развиваться, вследствие чего в какой-то момент их можно будет описать знаками, соответствующими элементам строк **D**, **E**, **F**, **G** и **H**.

Та категоризация, с которой мы начали (а именно выраженная знаками, использованными для представления вариантов применения утверждения, – числами, обозначающими столбцы), сама может рассматриваться как относящаяся к строке **G**. Числа используются исключительно как способ обозначения, поэтому их можно считать включенными в столбец **3**.

Замещение символических обозначений персонификациями «использований» может быть представлено как средство перехода по вертикальной оси снизу вверх – со строки **G** на строку **C**, в область манипуляции знаками и их местоположением в таблице.

Если весь миф целиком попадает в каждую ячейку строки **C**, то ячейки представляют примитивный научный инструмент[1] для исследования аналитического материала. Сам этот инструмент можно представить строкой **F** или ячейкой **G5** как инструмент для макроскопического наблюдения за аналитическим материалом. Если вместо мифа используется лишь одна из его составляющих, тогда чтение таблицы представляет собой инструмент, ограничивающий рассмотрение материала – такое видение аналогично микроскопическому исследованию. Движение →**A** упрощает представленную компоненту,

1 Ср. гл. 19. Использование мифа об Эдипе в качестве пре-концепции должно сопровождать родительскую реализацию и приводить к пониманию родительских отношений.

движение →**H** усложняет ее; в последнем случае она может стать предшественником интерпретации.

Таблица как способ описания инструмента, используемого аналитиком при исследовании пациента, в равной мере является также репрезентацией продуцируемого пациентом материала как инструмента исследования аналитика. Но если аналитик исследует материал (реализацию) чтобы понять, к какой категории таблицы относится репрезентация и соответствующая реализация, то таблица – это не только инструмент, но нередко и его репрезентация[1]. Реализация, на которую направлено его внимание (столбец **4**) – это реальность пре-концепции и предчувствия.

Я затронул вопрос манипуляций знаками таблицы. Можно ли сказать, что они согласуются с динамикой реализаций, репрезентированных чтением таблицы? Нетрудно предположить, что имеет место развитие, но соответствуют ли процессы развития, выводимые из наблюдений в консультационной комнате, правилам манипуляции знаками таблицы? Можно сказать, что подобные перемещения обозначают последствия роста или упадка, – я не обсуждаю приобретение и оголение, обусловленные благодарностью и завистью, – но на текущий момент манипуляция символами не должна использоваться для репрезентации развития или ущерба как такового. Этот вопрос может быть пересмотрен после обсуждения вертикальной оси.

В иеговистской версии творения особенностью мифа об изгнании, по-видимому, является конфликт между жаждой познания и желанием божества. В истории о Вавилоне бог также противостоит желанию людей; оно явно нарушает его право занимать небеса. В обоих мифах бог является антропоморфным в стиле, обычном для **J**-источников. Рай кажется ему несовместимым с поеданием, которое соответствует познанию добра и зла; миф о Вавилоне кажется ему противостоящим языку, поскольку общий язык соответствует способности людей объединяться для строительстве как города, так

1 См.: Hanson N. R. *Patterns of Discovery*, p. 100, § 5 (d).

и башни (последняя открывает путь к божественным небесам). Наказание в мифе о Рае – изгнание из сада; в истории о Вавилоне – нарушение единства языка, каждый фрагмент становится новым языком, после чего возникает смешение и группы разных языков рассеиваются. Тема изгнания, общая для обеих историй, видна и в мифе об Эдипе. Во всех трех мифах подразумевается сексуальность. В Эдеме[1] познание связано с поеданием и с моралью в той же мере, в какой возможно провести различие между добром и злом. В Вавилоне познание явно должно быть отнесено, скорее, к сфере научных, нежели моральных норм, хотя божественное обладание небесами – это «моральный» вопрос.

Элементы в каждом из этих трех мифов напоминают элементы в двух других; в каждом легко можно найти символически представленные оральную сексуальность и рассеивание, репрессивное Супер-эго, связывание посредством языка, научение, самопознание и генитальную сексуальность (например, башня и город). Различия в содержании связаны с формой повествования, посредством которой элементы в каждой из историй связываются между собой. Важность элементов будет зависеть от природы объяснения, в котором они используются, и от того избранного факта, который обеспечивает согласование элементов при их реинтеграции в процессе анализа. Эта реинтеграция не является окончательной; в любой момент аналитик может счесть, что элементы аналитического материала были связаны им между собой неверно, и затем осуществить их интеграцию и согласование заново благодаря разъяснению попытки интерпретации. Избранным фактом, лежащим в ее основании, может быть идея или эмоция. Понимание того, какие эмоции приводят к интеграции либо дезинтеграции пациента, должно вытекать из анализа предчувствий.

---

1 Здесь и далее автор обозначает мифы соответствующим ключевым словом. — *Прим. пер.*

Глава 18

Вертикальная ось (**A–H**), связанная, скорее, с генетическим, нежели с систематическим описанием, включает в себя предпосылки развития, зависящие от (a) психомеханики, (b) чередования детализации и генерализации (конкретизации и абстрагирования), (c) полноты насыщения и (d) эмоциональных драйвов.

(a) Взаимосвязь между механизмами проективной идентификации и чередованием параноидно-шизоидной и депрессивной позиций в **K** демонстрирует трудности, которые явно обусловлены их несовместимостью. К решению можно подходить с клинической точки зрения, исследуя деструктивные расщепляющие атаки, которые фрагментируют ♂, но при этом между фрагментами сохраняется связь, достаточная для *проникновения* в проблему. Аналогично при фрагментации ♀ фрагменты остаются ассоциированными, что обеспечивает глотание и интроекцию. Тот факт, что расщепление не обеспечивает колебания между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями, не позволяет признать за ним качество первичности: как потенциально первичные должны рассматриваться проективная идентификация (♀♂) и параноидно-шизоидная↔депрессивная позиции.

(b) «Чередование детализации и абстрагирования» как способ описания теории открыто для критики, так как «абстрагирование» – это термин, который подразумевает выделение из чего-либо его особенностей. Теория скорее будет соответствовать реализации, если *формулировка* абстракции или генерализация будет выглядеть как значимая черта трансакции, а не как попытка извлечь свойства известной репрезентации или соответствующей ей реализации. Генерализация (или абстрагирование) должны рассматриваться как процесс, посредством которого насыщение ненасыщенного элемента сдерживается с целью закрепления результата. Абстрагирование или формулирование обобщения состоит в обозначении[1] новой сущности. То, что рассматривается как динамическое состояние, в котором элементы реализации выборочно абстрагируются и образуют абстракцию, обобщение или, говоря еще более абстрактно, алгебраическое вычисление, должно рассматриваться как соединение пре-концепции с реализацией, в результате чего образуется концепция и *таким образом* возникает новая формулировка: переформулирование – это *обозначение* общей констеляции пре-концепции и концепции с целью не предотвратить потерю опыта в результате рассеивания или дезинтеграции его компонент. Этот процесс, известный как абстрагирование, связан с обозначением (как это описано Фрейдом) и с расширением памяти. Здесь уместно рассмотреть более детально идею развития – позитивного и негативного (см. главу 17).

Я ввожу идею негативного развития как способ рассмотрения аспекта научения через опыт; я *не* имею

---

1 Ср.: Теория Кондильяка, согласно которой идеи фиксируются при ассоциировании со знаком или словом (Etienne Bonnet de Condillac. *Essay on the origin of Human Knowledge*); Юм об устойчивой связи и Фрейд о мышлении, которое «приобретает дополнительные свойства, доступные сознанию только после связывания их с мнемическими следами слов» (Фрейд З. *Два принципа психического функционирования*, 1911).

в виду оголение, которое я связал с враждебными и разрушительными импульсами, такими как зависть. Оголение подразумевает обеднение личности. Примером того, что я имею в виду, является представление горизонтальной оси таблицы, скорее, через мифологические символы, нежели в терминах дедуктивной системы (скорее, через строку **C**, нежели **F** или **G**). Способность к негативному развитию необходима отчасти для восстановления формулировки, утратившей смысл, отчасти – для установления связи между личным и общественным знанием, но, возможно, самое важное – достичь наивности взгляда, когда проблема настолько затушевывается опытом, что ее очертания становятся расплывчатыми, а возможные решения – неясными. Одно из достоинств таблицы состоит в том, что использование ее при осмыслении возникающего в психоаналитической практике материала побуждает к пересмотру известных феноменов, таких как сновидения или эдипов материал, и соответствующих психоаналитических теоретических положений. Способность аналитика удерживать суть своих навыков и опыта и при этом смотреть наивно на свою работу позволяет ему по-своему переосмыслять полученные предшественниками знания.

(c) Теория, неявно содержащаяся в репрезентации пре-концепции, удобна благодаря константе **Ψ** и ее ненасыщенному элементу **(ξ)**. Мы помним, что знак **Ψ (ξ)** – это репрезентация сложной реализации. Мы не знаем природы процесса насыщения или того, как определить, в какой степени стимулы нового опыта проникли в психику. Репрезентация полезна до тех пор, пока не появится возможность заменить ее на более удачную.

(d) В связи с уже сказанным об эмоциональных влечениях напомню, что аналитика интересуют аспекты, предваряющие эти влечения, а также о том, что общественная природа человеческого существа зарождается в психике под влиянием сил и направляется этими предчувствиями. Даже факторы, детерминирующие интимные

проявления сексуальности или агрессии, могут лежать не внутри личности, а принадлежать группе[1].

Вертикальная ось, относящаяся к генетическому объяснению, связана с понятием развития. Описывая эту ось, я руководствовался главным образом идеей пре-концепции. До сих пор было полезно полагать, что абстракции и обобщения извлекаются или абстрагируются из уже существующего понятия[2]. В случае пациентов, у которых нарушения мышления выступают наиболее рельефно, такой взгляд на абстракции и обобщения не позволяет объяснить природу их мыслей. Это связано с заложенным в модели термином «абстракция». Мне необходимо, чтобы термин выражал в области психоанализа то же, что имеет в виду математик, когда говорит, что уже открытая формула аппроксимировала и до какого-то момента будет аппроксимировать реализацию. Этот смысл присущ используемому мною понятию «пре-концепция». Именно это значение я хочу придать таким понятиям, как «обобщение» и «абстракция». Научная дедуктивная система (**G**) и алгебраические вычисления (**H**) также могут иметь общие свойства с пре-концепцией; различные термины вертикальной оси обозначают различия, скорее, в степени сложности, нежели в функции. Говоря другими словами, термины вертикальной оси изменяются, но все они используются одинаково, тогда как на горизонтальной оси все термины одинаковы, но используются по-разному. Важность выдвигаемого мною положения заключается в том, что оно может быть использовано при создании теории, в которой любое понятие (такое как «собака», «бессознательное», «сновидение» или «таблица») возникает именно тогда, когда между рядом феноменов обнаруживается связь, смысл которой *неизвестен*.

Объект как таковой не воспринимается, и обозначение «собака» дается ему как результат абстрагирования воспринимаемого качества «собачести». Термин «собака» («бессознательное», «сновидение», «таблица» и т. д.) используется

---

1 Фрейд З. *Инстинкты и их судьба.*

2 См. гл. 1.

потому и тогда, когда в ряду феноменов усматривается пока еще *не*известное отношение. Он используется для того, чтобы не растерять явления. Найдя обозначение и таким образом связав явления, можно затем, если возникнет такое желание, заняться определением того, что оно означает: что *есть* собака; имя – это изобретение, дающее возможность думать и говорить о чем-то до того, как станет известно, что оно собой представляет. Теоретически описывая α-элемент или α-функцию, как я это сделал, – я, согласно данной теории, всего-навсего сознательно усложнил нормальный спонтанный процесс, который всегда происходит и внутренне присущ развитию языка. Термин «собака» или термин α-функция возникает в одном случае спонтанно и бессознательно, во втором – преднамеренно и искусственно, поскольку явления неопределенны и должны быть как-то связаны друг с другом, чтобы о них можно было думать. Как только имя присвоено и таким образом предотвращено рассеивание, становится возможным накопление значений. Насколько быстро и легко это происходит, показывает наблюдение[1], что попытка изобрести термин, лишенный отвлекающих оттенков ассоциаций, часто срывается из-за слишком быстрого накопления значений лишенного смысла термина. Итак, пре-концепция ждет своей реализации, чтобы породить концепцию: термин «собака» ждет реальную собаку, которая придаст ему смысл. Алгебраическое выражение ждет реализацию, которую оно аппроксимирует. И значит, правы математики, утверждающие, что их наука лишена смысла. Математические формулы аналогичны пре-концепциям в моем понимании этого термина, и прежде, чем можно будет сказать, что они имеют смысл, они должны дождаться достаточно близкой к ним реализации. Сама таблица, набросок которой я представил, обладает теми же свойствами, что я придал пре-концепции.

Будет показано, что такая теория обозначения, согласно которой имя позволяет не растерять явления, которые могут функционировать как пре-концепция, является вариантом теории (уже использованной мною), согласно

---

1 Popper K. R. *The Logic of Scientiflc Discovery*, гл. 9 и 10.

которой геометрия Эвклида, например, – это абстракция реализации пространства, и поэтому она находит свою реализацию в пространстве. Выдвинутая мною теория пре-концепции требует уточнения наших представлений о конкретизации, детализации и β-элементах. Термин «пре-концепция» неоднозначен, поскольку обозначает инструмент, функцию, ради которой он создан, и способ использования, ради которого он введен; последние могут, конечно, совпадать.

Генетическая точка зрения на абстракцию отличается от концепции, согласно которой абстракция – это репрезентация того, что было из чего-то извлечено. Необходимо уточнить нашу идею конкретности. Термин «собака» и все другие термины, явно обладающие определенным смыслом, должны считаться лишенными смысла до тех пор, пока они не обретут его в ходе расширения опыта. Теория, согласно которой такой термин должен считаться связывающим явления, помогает разрешить противоречия, присущие теории, в рамках которой абстракция понимается как нечто, извлеченное из чего-то еще. Постулат Юма об устойчивой связи полностью соответствует теории о том, что термин «собака» создан для того, чтобы показать, что некоторые отдельные и до сих пор несогласованные явления находятся в устойчивой связи. Таким образом, генезис термина «собака» можно рассматривать как результат действия механизма **PS↔D**. Но только после того, как термин «собака» стал служить сигналом и свидетельством существования связи, встает вопрос о ее смысле. Тогда можно сказать: «Эти явления находятся в устойчивой связи. Я фиксирую этот факт и связываю явления друг с другом так, чтобы они оставались в постоянной связи, обозначенной знаком „собака“. Теперь, связав явления, я могу попытаться выяснить, что означает их устойчивая связь. Таким образом мы приходим к *смыслу* термина „собака“».

Вступает в действие механизм ♀♂, и результатом его является смысл.

Суть отношений между **PS↔D** и ♀♂ поэтому несколько проясняется. От действия **PS↔D** зависят очертания целостного объекта; от действия ♀♂ зависит его смысл.

Глава 19

Выбор осей может осуществляться произвольно, он не требует обоснований – это следствие аналитической ситуации как таковой.

В большинстве своем активность пациента в анализе – это размышления. Аналитик имеет возможность наблюдать, как тот использует аналитическую ситуацию. Пациент может обращаться за помощью, проявлять жестокость по отношению к аналитику, искать выход чувствам любви и великодушия и т. д. Он может делать это мысленно, может говорить об этом с аналитиком, размышлять об этом вслух и иногда выражать действием. Он высказывает утверждения, классифицируемые по категориям вертикальной оси **A–H**. Он распределяет, удерживает или выражает информацию в соответствии с тем способом ее использования, который он избрал. В силу этого способ использования дает возможность выделить наиболее значимое в коммуникации содержание, какую-то *одну* особенность вклада пациента, но такую, которая устойчиво является наиболее значимой и потому достойной внимания, выделения и соотнесения с осью **1–6** таблицы.

Поскольку целью психоаналитической процедуры является самопознание, важное значение должны иметь, соответственно, средства получения знания – функция и аппарат пре-концепции. Одинаково фундаментальную значимость

имеют развитие и способность к развитию. Вертикальная ось (**A–H**) в равной мере представляет как стадии развития, так и функцию пре-концепции.

Представление процесса, такого как текущее развитие, посредством обозначений **A–H** создает обманчивое впечатление о дискретности и четкой отделенности его этапов друг от друга; вопреки этому переход от одной категории к другой должен считаться постепенным.

Выбор мифа об Эдипе в качестве источника символов, заменяющих горизонтальную ось (**1–6**), может служить иллюстрацией использования мифа в качестве пре-концепции. Миф об Эдипе можно рассматривать как инструмент, использованный Фрейдом при открытии психоанализа, а психоанализ – как инструмент, давший Фрейду возможность открыть эдипов комплекс. Обратимся теперь к той роли, которую играет миф, или соответствующие ему α- и β-элементы, в развитии психики.

Миф может рассматриваться как примитивная форма пре-концепции и этап обнародования личного знания индивидуума, то есть передачи его группе. Любая научная теория должна в конечном счете представлять собой средство, способствующее такому обнародованию. Процесс, благодаря которому личное знание передается индивидуумом, скрыт, и психоаналитикам еще только предстоит прояснить его. Сновидение приобретает новую значимость, если оно рассматривается как миф. Эдипов материал в сновидении требует принятия классической теории, в которой эдипова ситуация представляется как подчиняющаяся бессознательному, на которое оказывает действие аналитическое исследование; однако в определенных случаях этот материал также должен рассматриваться как свидетельство действия примитивного механизма пре-концепции, как личный вариант того, что позже станет возможно передать благодаря соответствию мифу об Эдипе. В случае, если речь идет о способности мыслить, сказанное верно и для мифов об Эдеме и Вавилоне. Аналитики должны учитывать, что эдипов материал может свидетельствовать о существовании у пациента примитивного аппарата пре-кон-

цепции и потому иметь дополнительную значимость, помимо той роли, которую он играет в классической теории. Я утверждаю, что предшественником эдиповой ситуации является не то чувство, которое Мелани Кляйн рассматривает в работе *Ранние стадии эдипова комплекса,* но нечто является частью аппарата Эго, обеспечивающей контакт с реальностью. Короче говоря, я постулирую α-элемент как вариант личного эдипова мифа, являющегося средством, пре-концепцией, благодаря которой младенец может устанавливать контакт с родителями, существующими как часть реального мира. Сопоставление этой эдиповой пре-концепции α-элемента с реализацией родителей приводит к формированию концепции родителей.

Если вследствие зависти, жадности, садизма или других причин младенец не может вынести родительских отношений и нападает на них с разрушительной яростью, то, согласно Мелани Кляйн, сама нападающая личность фрагментируется в результате неистовых атак расщепления. Переформулируя эту теорию в терминах эдиповой пре-концепции, можно сказать, что эмоциональная нагрузка, создаваемая личной эдиповой пре-концепцией α-элемента, такова, что разрушается сама эдипова пре-концепция. В результате младенец утрачивает аппарат, крайне необходимый ему для формирования концепции родительских отношений и, соответственно, решения эдиповых проблем: ему не то что не удается решить эти проблемы – он с этими проблемами не сталкивается.

Практическое значение этого утверждения заключается в том, что работа с кажущимися эдиповыми фрагментами материала должна вестись с осторожностью. При наличии указаний на крушение Эго, разрушение пре-концепции и, соответственно, способности предвосхищать («пре-понимать»), интерпретации, основанные на предположении о том, что фрагментарный эдипов материал является свидетельством разрушенного объекта, будут удачными лишь отчасти. Необходимо исследование, направленное на различение элементов эдипова материала, являющихся фрагментами эдиповой пре-концепции, и элементов, являющихся фрагментами эдиповой ситуации. Поскольку опыт научения, которого пациент был

лишен – это опыт родительских отношений, важность разрешения эдипова комплекса для развития пациента и для успешного исхода анализа является тяжким предубеждением.

Я должен оставить развитие этой темы на будущее, когда, надеюсь, я смогу показать более детально процедуру использования таблицы для достижения более ясного восприятия и понимания клинического материала. Суть элементов зависит от их положения на двух осях (**1–6**) и (**A–H**).

Связь между строками обеспечивает то, что можно назвать психомеханикой мышления, представленной взаимодействиями ♀ с ♂ и параноидно-шизоидной позиции с депрессивной (**PS↔D** с избранным фактом).

В начале этой главы были кратко очерчены причины выбора «использований» для оси **1–6**. Требует дальнейшего обсуждения важное значение согласованного действия психических механизмов, обозначенных на генетической оси как **PS↔D** и ♀♂. В конце главы 18 я сказал, что при открытии (посредством **PS↔D**) фактов, которые до сих пор не связывались между собой, обозначение фиксирует их взаимную согласованность. Имя выполняет функцию, аналогичную математической формуле, фиксирующей устойчивую связь, которую она обозначает. В этом отношении фиксация согласованных элементов совпадает с порождающим концепцию сочетанием преконцепции и реализации. Теперь мы должны рассмотреть процесс, посредством которого имя аккумулирует смысл в ходе действия ♀♂.

Я говорил о той роли, которую играет модель пищеварительного тракта в понимании мышления. Детальному обсуждению механизмов и динамики развития смысла будет способствовать смещение акцента в нашем исследовании к явлениям, представленных вертикальной (**A–H**) осью таблицы. Для обозначения этого сдвига я задействую термин «чувствование» вместо термина «размышление». Эта замена основана на том, что в аналитической практике нам часто приходится слышать такие фразы, как «Мне кажется, я видел сон сегодня ночью», или «Я чувствую, Вы ненавидите меня», или «Я чувствую, что хочу сделать перерыв». Такие

выражения подразумевают эмоциональное переживание и потому более соответствуют моей цели, чем более строгое «Я думаю…». Сообщения, начинающиеся с «Я чувствую…», часто оказываются способом выражения эмоций и предчувствий. Я хочу рассмотреть эти явления с точки зрения именно этой их функции. Я предлагаю оставить таблицу без изменений; категории, обозначенные координатами таблицы, одинаково применимы как к классам «Я думаю…» и «мысли», так и к классам «Я чувствую…» и «чувства». Чтобы подчеркнуть, что речь идет об эмоциональном содержании, я буду говорить скорее о «чувствовании», чем о «мышлении», но таблица как при категоризации «мыслей», так и при категоризации «чувств» остается неизменной.

Рассматривая утверждения, развитие которых представлено вертикальной (**A–H**) осью, как выражения чувств, механизм ♀♂**,** посредством которого одна строка таблицы переходит в другую, можно представить при помощи моделей, отличных от тех, что построены на идее пищеварительного тракта. Наиболее плодотворные среди них: (1) модель дыхательной системы, с которой связана обонятельная система; (2) слуховая система, с которой связано такое преобразование, как музыка↔шум; и (3) визуальная система. Каждая из этих систем может быть использована в качестве модели механизма ♀♂, представляющего собой проективную идентификацию, служащую целям **K**. Осязание обычно служит средством устранения путаницы, сопровождающей использование ♀♂. Оно используется для формирования доверия на основе чувствования. Между двумя объектами существует барьер, граница, которая отсутствует среди присущих моделям (1), (2) и (3) свойств отношений контейнер↔контейнируемое, что создает парадоксальный эффект, состоящий в том, что пространственно более тесные отношения (это подразумевается при тактильном контакте) являются *менее* интимными (запутанными), чем более дистантные отношения, подразумевающиеся в моделях (1), (2) и (3)[1]. Не удивительно, что

1 Психотический пациент может иметь генитальные сношения без замешательств, но будет сильно смущаться в (1), (2) и (3).

клинические проявления астмы становятся психоаналитически более понятными, если видна связь респираторной модели с мышлением-чувствованием.

Представления о мышлении и чувствовании, выраженные в терминах, соответствующих строке **G**, могут быть переформулированы на основе моделей пищеварительного тракта, респираторной системы, слуховой системы и зрительной системы в терминах, соответствующих строке **C**, и наоборот.

Таким образом, механизм **PS↔D**, близкий механизму ♀♂, ответственен за развитие пре-концепции в направлении как ее упрощения, так и усложнения.

Поскольку мы можем использовать табличные категории для репрезентации чувств, многое будет зависеть от аналитического контекста, в котором делаются утверждения. Аналитик должен решить, направлена ли выражаемая идея на то, чтобы служить инструментом передачи чувств, или чувства являются вторичными по отношению к идее. Многие тонкие проявления чувств могут быть упущены, если идеи, посредством которых они выражаются, рассматриваются (ошибочно) как главная тема коммуникации. Легкость, с которой могут передаваться самые тонкие оттенки чувства, делает коммуникацию при помощи идей самым подходящим средством для передачи предчувствий; соответственно, «идеи» должны быть тщательно исследованы.

Если табличные категории соответствуют «чувствам» так же, как «идеям», то должен существовать эмоциональный аналог β-элементов. В рамках поля, которым я их до сих пор ограничивал, я допустил, что термин «β-элементы» должен использоваться с целью охватить круг явлений, воспринимаемых психотическими пациентами как неотличимые от «вещей» – «мысли». В области чувств и тех аспектов мышления, в которых доминируют чувства, термин «β-элементы» должен быть расширен, чтобы охватить аналогичные феномены. Я не могу уверенно сказать, что представляют из себя эти феномены, если они вообще есть. Однако те же пациенты, которые относятся к «мыслям» как к «вещам», демонстрируют все признаки восприятия как «фактов» того, что я как

психоаналитик привык считать фантазиями. Таким образом я предполагаю, что табличные категории β-элементов не должны отбрасываться бесцеремонно как несуществующие, но мыслиться – в области выражения чувств – как связанные с фантазиями, воспринимаемыми как неотличимые от фактов. Такие неотличимые от фактов фантазии должны рассматриваться как эмоциональный эквивалент β-элементных «мыслей», неотличимых от «вещей». Другими словами, табличные категории β-элементов должны пониматься как репрезентации, близкая которым реализация может быть найдена в ходе психоаналитического исследования.

Глава 20

Прежде чем подытожить основные темы этой книги, я должен пояснить, что таблица, хотя она и связана исторически с рядом аналитических теорий, тем не менее, отличается от объекта, который обычно обозначается термином «теория». По сути ее лучше было бы определить как ряд соглашений, принятых для описания (построения) психоаналитических феноменов[1]. Однако, если аналитик использует эти соглашения, значит, он придерживается некой пре-концепции, репрезентацию которой представляет собой таблица в печатной или письменной своей форме. Таким образом, психическое состояние аналитика, которому соответствует эта репрезентация (напечатанной или написанной таблицей), может быть классифицировано как одна из категорий таблицы, соответствующая способу ее использования, а также характеризоваться тем положением, которое этот способ занимает в истории развития научных средств аналитика. Поскольку таблица и связанные с ней теории могут использоваться аналитиком по самым разным соображениям, это может приводить как к стагнации (столбец **2**) знаний, так и к их развитию (столбцы **1**, **3**, **4**, **5** и т. д.). Точно так же, поскольку использование таблицы означает, что аналитик

1 Но обратите внимание на обсуждение в начале главы 17.

придерживается некоторой преконцепции, возможно, что избранный им вариант ее использования удастся категоризировать более точно, если мы задействуем для этого вертикальную ось и рассмотрим соответствующую табличную категорию в строке **D**. Поэтому, если читатель не хочет, чтобы его психическое состояние претерпело изменения, он либо не будет использовать таблицу, либо будет применять ее в качестве средства выражения чувств и мыслей, которые можно отнести к **D2**. Если же, наоборот, он склонен использовать таблицу для продвижения исследования, он будет использовать ее как средство выражения чувств и мыслей, которое можно отнести к **D** (или, в зависимости от приемлемого для него уровня сложности, **F** или **G**) **4**.

Я понимаю, что таблица не только может, но и должна быть доработана. Мне казалось, что столбец **2** можно заменить на отрицательное значение горизонтальной оси. Это выглядит правдоподобно и хорошо согласуется с декартовой системой координат в том ее виде, в каком она использовалась в ходе развития аналитической геометрии. Более того, многое бы упростилось, если бы вместо представленной структуры горизонтальная ось выглядела бы так:

–(n), –(n – 1), ... –5, –4, –3, –2, –1,
1, 2, 3, 4, 5, ... (n – 1), (n),

где столбец **2** обозначает столбец **3** таблицы. Тогда можно сказать, что все «способы использования» **1↔n** могут быть использованы с отрицательным знаком, как барьер против неизвестного или против известного, но неприятного. Но прежде всего я бы хотел очертить способы использования явлений, отвечающих вертикальной оси, и не касаться сложностей «использования» самих «способов использования», оставив последнее для дальнейшего клинического исследования.

Теперь я обращусь к вариантам применения таблицы. Предлагаемое краткое изложение не претендует на полноту.

A Медитативный взгляд

1 Допустим, что в конце рабочего дня аналитик хочет пересмотреть некоторый аспект своей работы, вызывающий

у него сомнения. Предположим далее, что его интересует некоторая фраза, сказанная пациентом. Вспоминая сессию, контекст, в котором было высказано утверждение, интонацию пациента, аналитик может отнести это утверждение к категории, которая в свете нового знания, кажется ему верной. Такое размышление связано с наименованием и памятью. Это похоже на запись произошедшего и является примером использования таблицы и теорий, которые она представляет, в целях обозначения. Даже если аналитик не фиксирует свою работу на бумаге, он делает что-то, что позволяет запечатлеть эпизод в памяти.

2 Аналитик может гипотетически отнести утверждение к любой выбранной им категории таблицы. Затем он может придать направление своим умозаключениям, рассматривая те смыслы, которые приобрело бы утверждение, если бы оно действительно относилось к той категории, к которой он ее умозрительно причислил. Это означает, что он «связал» несколько элементов и смог продвинуться в направлении раскрытия значения их предполагаемых связей. Таблица задает направление этим его умозаключениям.

3 В ходе процедур 1 и 2 он будет рассматривать другие возможные категории, к которым правомерно было бы отнести утверждение. Такая деятельность стимулирует способность аналитика удерживать внимание.

4 Аналитик может тщательно исследовать свои интерпретации, подвергая их той же самой процедуре, что и ассоциации пациента в случаях 1, 3 и 4.

5 Аналитик может отнести ассоциацию и фактическую или предполагаемую ее интерпретацию к соответствующим категориям и таким образом исследовать *пару* ассоциация/интерпретация. Таким образом он получает возможность сравнивать и исследовать отношение не только ассоциации к интерпретации, но также и категории ассоциации к категории интерпретации. Так можно заложить основу для изучения развития значения

интерпретации и ассоциации в соответствии с природой отношений между их категориями.

6 Аналитик может выделять конфликтующие утверждения в ассоциациях пациента, относить их к соответствующим категориям таблицы и затем внимательно исследовать природу конфликта путем сравнения *категорий* конфликтующих утверждений. Тогда можно будет увидеть составляющие конфликта, исследуя природу категорий конфликтующих утверждений.

B Психоаналитическая игра

В А я предложил способ использования таблицы, тесно связанный с реальным аналитическим опытом. Однако таблица может с пользой применяться в своего рода аналитической фантазии, в которой эмпирический элемент не является доминирующим. Такое упражнение для воображения похоже на действия музыканта, практикующегося в гаммах, не связанных непосредственно ни с каким музыкальным произведением, но относящихся к *элементам,* из которых строится любое музыкальное произведение. Это возвращает меня обратно к элементам психоанализа и их объяснению. Я определяю элементы психоанализа как такие явления, различные аспекты которых могут быть подведены под категории таблицы, даже несмотря на то, что некоторые категории должны какое-то время оставаться пустыми. К таким явлениям относятся:

a) идеи, согласно главам 1–18;
b) чувства, согласно главе 19, в том числе боль;
c) ассоциация и интерпретация;
d) пара (ассоциации и интерпретации);
e) конфликтующие сочетания (я использую термин «сочетание», чтобы освободить понятие «пара» для указанных выше (d) явлений);
f) две оси таблицы (как особые случаи).

В главе 3 я предположил, что психоаналитический объект имеет три «измерения»: сенсорное, мифологическое

и измерение аналитической теории. Переводя это на язык категорий таблицы, можно сказать, что любой аналитический объект прежде, чем он будет квалифицирован как таковой, должен проявить черты, категоризированные строками **B**, **C** и **G**. Аналитический объект – это не элемент, но может рассматриваться как соотносящийся с элементом так же, как соотносятся молекула и атом. Аналитический объект не обязательно является интерпретацией, хотя интерпретация – это аналитический объект. В основе интерпретации должны лежать признаки аналитических объектов, и сама она является аналитическим объектом, состоящим из аналитических объектов. Аналитический объект является результатом действия **PS↔D** и ♀♂ у наблюдателя. Аналитическому наблюдателю материал должен представляться как множество дискретных частей, никак не связанных и не согласованных между собой (**PS↔D**). Пациент может описывать сновидение, потом вспоминать о случившемся накануне, затем сообщить о каких-то трудностях в родительской семье. Иногда все перечисленное занимает три-четыре минуты, иногда больше. Согласованность этих трех фактов в сознании пациента не является предметом рассмотрения для аналитика. Его задача – я опишу ее поэтапно – состоит в том, чтобы, игнорируя эту согласованность, встретиться лицом к лицу с несогласованностью и ощущением непонимания всего того, что было ему представлено. Собственный анализ аналитика должен сделать его способным выносить этот эмоциональный опыт, несмотря на то, что он включает в себя чувства неопределенности и, возможно, даже преследования. Это состояние должно выдерживаться, возможно, короткий промежуток времени, а возможно и длительный, до тех пор, пока не возникнет новая согласованность; в этот момент он достигает **→D** – состояния, аналогичного наименованию или описанному мною «связыванию». С этого момента его собственные процессы могут представляться посредством ♀♂ – развития смысла. Такое схематическое описание психической работы аналитика необходимо было дать для того, чтобы перейти к обсуждению некоторых явных логических несоответствий,

к которым я теперь обращусь. Вспомним сделанное мною ранее (глава 17) утверждение о том, что миф об Эдипе как целое может быть отнесен к одной-единственной категории или, наоборот, что части мифа могут занимать некоторую область таблицы. Может показаться, что это не согласуется с тем различием, которое я провел между психоаналитическим объектом и элементом психоанализа. Но непоследовательность устраняется, если принять во внимание, что в том контексте, в котором упоминается миф, он является наиболее краткой и наиболее компактной репрезентацией, какую только можно придумать для того, чтобы выразить, скажем, особого рода ощущение предчувствия. В данном случае важность мифа состоит в том, что он представляет чувство, и тем самым его место среди категорий таблицы обозначает психоаналитический элемент. Взятый вместе с другими похожими психоаналитическими элементами, он и другие элементы вместе образуют поле несогласованных элементов, в котором, надо надеяться, возникнет избранный факт, который придаст согласованность и связанность элементам, до того момента несвязанным и несогласованным. Таким образом происходит «наименование», «связывание», – возникает психоаналитический объект. Остается только понять его смысл. Теперь тот же самый миф может быть психоаналитическим объектом, который является инструментом для придания смысла всему множеству элементов, каждый из которых является чувством, представленным мифом в своей категории таблицы. Правильная интерпретация, таким образом, будет зависеть от способности аналитика видеть (с помощью таблицы), что два словесно идентичные утверждения являются различными в психоаналитическом смысле. Еще раз: словесное утверждение, которое, как представляется, имеет аспекты, относящиеся к строкам **B**, **C** и **G**, представляет психоаналитический объект. Словесно идентичное ему утверждение, считающееся относящимся, скажем, к **D2,** является психоаналитическим элементом. В использованном мною примере миф в категории **D2** представляет *чувство* предзнаменования и является предчувствием особого рода,

служащим для исключения чего-то другого. (Кстати, представленное обсуждение в целом может рассматриваться как пример использования таблицы в качестве упражнения для развития интуиции и клинической проницательности.) Подведем итог: *элементы* психоанализа – это идеи и чувства, представленные *одной* табличной категорией; психоаналитические объекты – это ассоциации и интерпретации, простирающиеся в область ощущений, мифа и страсти (см. главу 3) и требующие для своей репрезентации этих трех категорий. Из этого следует, что описанные выше классы **a–f** – это лишь элементы, если они подпадают только под одну табличную категорию. Практический смысл этого заключения состоит в том, что в случае, если они являются элементами, несмотря на то, что внешне производят обратное впечатление, необходимо понять, частью какого психоаналитического объекта они являются.

Предметный указатель

Уилфред Р. Бион

Элементы психоанализа

Редактор – *И. В. Клочкова*
Обложка – П. П. Ефремов
Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*
Корректор – *Л. В. Бармина*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: visu@psychol.ras.ru
www.cogito.msk.ru

Сдано в набор 05.11.08. Подписано в печать 12.11.08
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура itc Charter. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 4,5
Тираж 2000 экз. Заказ .
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография „Наука“»
121099, Шубинский пер., 6

У. Р. Бион

НАУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Проблемы, рассматриваемые в книге, имеют фундаментальное значение для понимания процесса научения. В ней описывается эмоциональный опыт автора, непосредственно связанный как с теориями познания, так и с клиническим психоанализом, причем акцент делается на практическом применении.

В частности, в книге рассматриваются такие вопросы, как отношение проективной идентификации к генезу мышления, роль оральных переживаний в создании модели мышления, проблемы абстрагирования (генерализации) и конкретизации (наименования) и др.

Книга адресована широкому кругу специалистов, а также студентам, занимающимся изучением психологии, философии, социологии и других, смежных с ними, научных областей.

ISBN 978-5-89353-257-9
60 x90/16 пер. 128 с. 2008

Л. Гринберг, Д. Сор, Э. де Бьянчеди

ВВЕДЕНИЕ В РАБОТЫ БИОНА
**группы, познание,
психозы, мышление, трансформация,
психоаналитическая практика**

Данная книга представляет собой итог восьмилетней работы группы психоаналитиков, занимавшихся систематическим изучением наследия В. Р. Биона, одного из крупнейших и наиболее сложных для понимания представителей современного психоанализа. Бион придал новое измерение психоаналитической теории и практике, сохранив наиболее значимые вклады классиков – З. Фрейда и М. Кляйн. Несмотря на необычайную сложность и своеобразие авторского стиля, идеи и метод Биона помогают исследователю настроиться на творческий лад, использовать здравый смысл и интуицию, а также достичь состояния, которое можно назвать «состоянием открытия». В книге предпринята попытка изложения наиболее важных идей Биона, чтобы сделать их доступными широкому кругу специалистов различных областей психологии, философии, социологии и др.

ISBN 978-5-89353-202-9
60 x90/16 обл. 158 с. 2007